

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС

РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

2015

Российская академия наук
Институт лингвистических исследований

Лексический атлас русских народных говоров

Материалы и исследования 2015

Издательство
С-Петербург

Нестор-История
MMXV

УДК 81.28
ББК 81.2Рус67

Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН

Ответственный редактор: *А. С. Герд*
Редколлегия: *С. А. Мызников, О. Н. Крылова,*
О. В. Глебова, Р. В. Гайдамашко

Рецензенты: доктор филологических наук *О. Д. Кузнецова*
кандидат филологических наук *В. Б. Колосова*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-04-00166а

Работа выполнена в рамках государственного задания ИЛИ РАН
(тема № 0187-2014-0007 «Русская диалектная лексикография
и лингвогеография»)

**Лексический атлас русских народных говоров (Матери-
алы и исследования) 2015 /** Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.:
Нестор-История, 2015. — 600 с.

ISBN 978-5-4469-0816-5

В сборнике опубликованы статьи и материалы участников про-
екта «Лексический атлас русских народных говоров». В работах
освещен широкий круг вопросов исследования диалектной лекси-
ки, семантики, структуры отдельных тематических групп и сло-
вообразования. Значительную часть книги составляют статьи по
диалектной фразеологии, синонимии, истории слов и ономастике.
Освещаются также практические вопросы картографирования и
некоторые теоретические проблемы лингвогеографии.

Сборник вносит вклад в теорию и практику лингвогеографи-
ческих исследований и представляет интерес для широкого круга
исследователей русского языка.

ISBN 978-5-4469-0816-5

9 785446 908165

УДК 81.28
ББК 81.2

© ИЛИ РАН, 2015
© Авторы статей, 2015

Вепское прошлое Юго-Восточного Обонежья по данным ономастики <i>А. И. Соболев</i>	438
Боги и святые, праведники и грешники: народное православие в лексико-семантическом аспекте по материалам архангельских говоров <i>М. Г. Соломатина</i>	509
О составе диалектной лексики в сборнике «Донские дела» <i>М. В. Флягина</i>	517
Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ по теме «Животный мир» <i>Е. В. Цветкова</i>	530
Словообразовательные варианты лексем со значением 'обильный лесами', 'лишённый леса' и их отражение в диалектных и нормативных словарях русского языка <i>А. Д. Черенкова</i>	540
К этимологии русского и белорусского диалектного <i>лайнó</i> 'отходы при обработке льна' и 'белье, одежда' <i>Т. В. Шалаева</i>	548
О топонимах с основой <i>-нит-</i> <i>А. С. Щербак</i>	555
Список сокращений	561
Указатель диалектной лексики	573

Вепсское прошлое Юго-Восточного Обонежья по данным ономастики

А. И. Соболев

В статье рассматриваются топонимы и антропонимы вепсского происхождения Юго-Восточного Обонежья в соотношении с данными археологии и историческими источниками. Полученные данные свидетельствуют о том, что вепсский язык распространился в Юго-Восточное Обонежье из Юго-Восточного Приладожья в X–XIII вв. и поддерживался неоднократными миграциями. Процесс смены языка (с вепсского на русский) завершился в XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: вепсский язык, топонимия, языковые контакты, этническая история

Географические названия и личные имена являются важным источником по реконструкции этноязыковой ситуации на определенной территории. В случае недостаточности или неполной сохранности исторических источников топонимия и антропонимия играет особенно важную роль для подобного рода исследований. В настоящей статье задачи подобной реконструкции решаются для одного из российских субрегионов — Юго-Восточного Обонежья.

Обонежье — крупный историко-культурный регион, расположенный в бассейне Онежского озера, территория с современным русским и прибалтийско-финским (карельским и вепсским) населением. Под воздействием различных этнических процессов территория расселения прибалтийско-финских народов — вепсов и карел в Обонежье довольно существенно менялась и продолжает изменяться в наши дни.

Вепсы стали объектом научного изучения сравнительно поздно — только во второй половине XIX в., когда вепсская

культура уже подверглась значительному «обрусению» [Винокурова 2007: 7], при этом более или менее полные статистические данные о расселении карельского и вепского населения в Олонецкой губернии появились только в 1840-е гг. [Пашков 2003: 329–332]. Однако, сбор информации о численности прибалтийско-финского населения был затруднен и позднее. Так, в конце XIX в. в обосновании таких трудностей ссылались на то, что «поселения корел и особенно чуди не только перемешаны с русскими поселениями, но даже есть деревни, где одна половина русских, а другая корел» (Народонаселение 1892: 426).

Юго-Восточное Обонежье занимает бассейны рек Андома и Вытегра, озер Тудозеро и Муромское. Площадь изучаемой территории — около 5000 кв. км. Ее максимальная протяженность в широтном направлении составляет 100 км, в меридиональном — 60 км. В административно-территориальном отношении Юго-Восточное Обонежье включает северную часть Вытегорского района Вологодской области и южную часть Пудожского района Карелии. Ранее, в XV–XVIII вв., рассматриваемая территория входила в состав Никольского Андомского и Покровского Вытегорского погостов Обонежской пятины Новгородской земли.

Ранее территория была хорошо освоена: в начале XX в. (1905 г.) здесь располагались около 380 сельских населенных пунктов с общей численностью населения 23000 человек.

В течение XX в. в связи с крупными социально-экономическими изменениями и потрясениями — людскими потерями в Великую Отечественную войну, ликвидацией «неперспективных» деревень, оттоком населения в города, укрупнением колхозов, к началу XXI в. (2010 г.) количество сельских населенных пунктов уменьшилось до 120 (в 3 раза), а общая численность населения — до 10000 чел. (в 2,3 раза). Из выделяемых нами на начало XX в. 34 групп поселений в течение XX в. полностью прекратили существование 16 (почти 50%).

Например, полностью незаселенными оказались ранее освоенные восточные части бассейнов рек Андома и Самина.

Современное население Юго-Восточного Обонежья — русское. Однако ранее здесь одновременно с русским проживало прибалтийско-финское население (вепское, карельское), которое перешло на русский язык в XVIII–XIX вв. Это подтверждают данные целого ряда наук: лингвистики (топонимики, антропонимики, диалектологии), истории, археологии, этнографии, теории архитектуры [Соболев 2009].

Вопрос о времени ассимиляции прибалтийско-финского населения в Юго-Восточном Обонежье до настоящего времени не решён. На основании анализа антропонимов и топонимов писцовых книг возможное расселение вепского народа в Андомском и Вытегорском погостах в конце XV – начале XVIII вв. предполагал В. В. Пименов [Пименов 1965: 178]. К. К. Логинов, выделяя «внушительный пласт вепских элементов в крестьянской культуре края», не уточнял сроков ассимиляции вепсов в пределах бывшего Андомского района [Логинов 2000: 136].

Один из ценных источников — Списки населенных мест Олонецкой губернии 1873 г. — не фиксирует вепского и карельского населения в Юго-Восточном Обонежье. Однако, исключительно хорошая сохранность топонимии и лексики вепского происхождения в Южном Обонежье вызывает справедливые сомнения в корректности сведений об этническом составе населения Южного Обонежья в указанном издании [Муллонен 2001: 337]. Полагаем, что существование определенных лакун подтверждается отсутствием в «Списке...» сведений о «чудском» (вепском) населении в Куштозере (юг Выт. у.), где вепское население фиксируется с XIX в.: в 1857 г. здесь проживало 427 вепсов и 27 русских (по данным из архива П. Кеппена) [Joalaid 1998: 13].

Поскольку Юго-Восточное Обонежье является смежным с современным вепским этническим ареалом, местная топонимия и историческая антропонимия прибалтийско-финско-

го происхождения традиционно считалась почти исключительно вепской.

Позднее, по результатам полевых исследований Уральского университета отмечалось, что прибалтийско-финский пласт субстратной топонимии бассейна р. Андома допускает вепские и карельские этимологии [Гусельникова 2000: 171].

Действительно, историко-документальные и языковые данные свидетельствуют, что на данную территорию по крайней мере с конца XV в. по XVIII вв. неоднократно мигрировали карелы, оставившие значительный «след» в топонимии Юго-Восточного Обонежья [Соболев 2015].

Карельский «след» виден и на уровне лексики. Если лексический субстрат в центральной части Вытегорского района — вепского (средневепского) типа, то в южной части Пудожского района и примыкающей к ней части Вытегорского района он является вепско-карельским [Мызников 2003: 427–428, 433].

При таких обстоятельствах невозможно считать топонимию и антропонию прибалтийско-финского происхождения в Юго-Восточном Обонежье исключительно вепской.

Топонимы и антропонимы вепского происхождения на территории Юго-Восточного Обонежья еще не были предметом специального изучения, а также не ясно, на каких именно участках территории субрегиона и в какое время проживали носители вепского языка.

В настоящей статье сделана попытка решить указанные задачи. При этом из представленных в статье топооснов — 10 (*Видим-, Галман-, Магад-, Гомнус-, Паль-, Силист-, Сулайма-, Ся(й)г-, Шой-, Юнг-*) не рассматривались другими авторами или не относились к имеющим вепское происхождение. Большинство топонимов и антропонимов рассмотрены впервые.

Основными источниками материала для настоящей работы послужили издания писцовых и переписных книг XV–XVII вв., актов XVI–XVII в., топографические карты и пла-

ны XVIII–XX вв., документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Национального архива Республики Карелия (НАРК), данные научной топонимической картотеки Карельского научного центра РАН (ТКК)¹, а также полевые записи автора, собранные им в 1996–2008 гг. (ПДА).

Методологической основой исследования являются работы ученых Петрозаводской топонимической школы — И. И. Муллонен и ее учеников: Д. В. Кузьмина, Е. В. Захаровой. Опыт их многолетних исследований ценен для нас как в плане общей проблематики (историческая и современная топонимия Карелии и смежных территорий), так и в плане методики, позволяющей дифференцировать схожие, но разные по происхождению топонимы на карельские и вепские [Муллонен 2002; 2003б; 2008б; Кузьмин 2003; Муллонен, Кузьмин 2008; Захарова, Муллонен 2012].

Далее в статье представлено несколько разделов, где приводятся и анализируются историко-документальные, археологические и собственно языковые — топонимические, антропонимические, этнонимические — свидетельства, позволяющие воссоздать картину освоения Юго-Восточного Обонежья вепским населением.

В первую очередь (в разделах 1–6) рассмотрим топонимы, критерием отбора которых является их информативность с точки зрения этноязыковых процессов в регионе, выраженная в возможности определения хронологических границ возникновения, функционирования или изменения каждого из отдельно взятых географических названий. Такое определение возможно не для каждого топонима. Последние могут содержать этноязыковую информацию в случае их раннего упоминания в письменных источниках, зафиксированно-

¹ Автор выражает искреннюю благодарность Институту языка и литературы Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) за предоставленную возможность работы с научной топонимической картотекой и архивными материалами КарНЦ РАН.

го изменения формы топонима в соответствии с внутренними закономерностями субстратного языка или в результате контакта языков. Кроме того, этноязыковую информацию несут топонимы, образованные по распространенным в ограниченный период времени топонимическим моделям.

1. Топонимия в соотношении с данными археологии

Археологи видят предков современных вепсов в носителях курганный культуры Юго-Восточного Приладожья. Последние проникли в X–XI вв. в Обонежье как охотники на пушного зверя, что было обусловлено интенсивным развитием меховой торговли на Волжско-Балтийском водном пути [Археология 1996: 267, 272], проходящем в т. ч. через р. Вытегра.

На исследуемой территории поселения с керамикой приладожского типа имелись на оз. Муромское (Муромское-III, IV, VI, VIII, VIII, IX) (Гак) и оз. Тудозеро (Тудозеро-V) (Туд) [Археология 1996: 275; Иванищев 2000: 38].

След языка носителей приладожской курганный культуры X–XIII вв. представляет собой и вепская -I-овая топонимия, передаваемая через русскую модель *-ичи* / *-ицы* [Муллонен 1994: 75, 122].

На исследуемой территории выявлено 3 подобных топонима:

Гонгиницы, местность (Туд): «д. в *Сосновицах*, на усть ручейка Елисеевской, в *Гонгиницах*», 1628/1629 гг. (ПК 1628: № 44), она же — «в *Сосновицах* на усть-ручейка Алексеевской, в *Гонгиницах* тож», 1678 г. (ПК 1678, ч. 1: 14 об.–17 об.), позднее — *Гонгинщина*, 1871 г. (общее название для деревень Мелькина и Кузнецова) [Поляков 1991: 62], современное название — д. *Гонгинская* < вепс. *Hong(oi), в основе — древнее вепское личное имя *Hong(oi) < вепс. hong ‘сосна (обычно сухая, высокая), высохшая на корню сосна’².

²Здесь и далее данные вепского языка приводятся по словарю (Зайцева, Муллонен), собственно-карельского наречия карельского языка —

Этимология подтверждается калькой *Сосновицы* и еще одним ойконимом, образующим топонимическую микросистему: в 2 км южнее *Гонгинцины* располагалась д. *Педяевщина* (Туд) (СНМ 1905: 168) < *Pedail < вепс. pedai, pedei ‘сосна’. Кроме того, еще в конце XIX в. жителями д. Гонгинской почиталась *Божья сосна*, что можно рассматривать как пережитки тотемизма и культа предков: этнограф и археолог И. С. Поляков, побывавший на Тудозере в 1871 г., отмечал, что в д. Кузнецово (часть д. Гонгинской) стоит старая развесистая сосна, называемая Божией и имеющая «значение священного дерева. Величайший грех взять щепку или отсохшую ветвь. Все отгнившие ветки тщательно собираются под сосну, где стоит старый деревянный крест» [Поляков 1873: 496];

Степовичи / *Степковичи*, местность, 1563 г. (Тал) (ПКОП: 207), позднее также *Степановичи*, 1583 г. (ПКЗ: 271) < вепс. *Stepoil, где вепс. Stepoi — рус. Степан. Отметим также наличие в Степовичах д. *Патроевской*, 1563 г. (ПКОП: 207) (позднее — *Патрекеевская*, 1583 г. (ПКЗ: 271)), название которой восходит к вепсскому и карельскому личному имени Patroi, которое соответствует русскому мужскому имени *Патрикей*;

Юбеничи, покос (МакВ: Альчино) (НАРК, ф. 27, оп. 3, д. 74/664, л. 16) < вепс. *Hübjoil, в основе — древнее вепсское личное имя *Hübjoī < вепс. hūbj ‘сова, филин’ (антропоним *Hübjoī восстановлен И. И. Муллонен как основа названия вепсской д. *Юбеничи* / вепс. Hübjoil [Муллонен 1994: 87]).

Присутствие подобных топонимов говорит о наличии в X–XIII вв. поселений древних вепсов на оз. Тудозеро (Туд) и на р. Андома в районе современного с. Макачёво (МакВ) и в бассейне р. Вытегра (Тал).

по словарю (Федотова, Бойко), тверских говоров собственно-карельского наречия карельского языка — по словарю (Пунжина 1994), лудиковского наречия карельского языка — по словарю (Kujola 1944), финского языка — по словарю (Вахрос, Щербаков), если не указано иное.

Согласуется это и с археологическими данными: средневековые (IX–XII вв.) древности поселения Тудозеро-V (в т. ч. горшки ладожского типа) археолог А. М. Иванищев относит к финским древностям [Иванищев 2000: 38].

Отметим также, что, по всей видимости, названия *Гонгиницы* и *Юбеничи* были перенесены древними вепсами с бассейна р. Оять, где также имеются деревни с аналогичными названиями: *Гонгиничи* (Лод; Подп) и *Юбеничи* / вепс. Nübjoil (Лод; Подп), что также свидетельствует о вепских истоках -I-овых топонимов Юго-Восточного Обонежья, передаваемых через русскую модель *-ичи* / *-ицы*.

С проникновением древнего вепского населения из Юго-Восточного Приладожья, очевидно, необходимо связывать и возникновение укреплений — Саминского и Макачевского городищ. Так, ориентировка погребений (северо-запад — юго-восток) свидетельствует о неславянском населении Саминского городища (XII–XIV вв.) [Песонен 1971: 30]. Эти укрепления известны уже по самому раннему письменному источнику — писцовой книге 1563 г. как Городище (Сам) (ПКОП: 189) и Городок (МакВ) (ПКОП: 195–196).

При этом дважды — в с. Самино и у с. Макачево рядом с ур. *Городок* зафиксирован одноименный топоним *Линдручей*, руч. (Сам: Берег; МакВ: Желвачёво), где *Линд* < вепс. lidn ‘город’ [Гусельникова 1999: 17; Гусельникова 2000: 173]. Кроме того, в Макачево и в Самино в близости от *Городка* и *Линдручев* находились деревни *Загородище* (Сам), *Загородище* Антоново (Сам), *Подгородье* (МакВ) (СНМ 1905: 134, 166), позднее известные как *Загородская*, Антоново и *Подгородье*.

Аналогичные топонимические кальки выявлены нами на территории с. Ошта Вытегорского района. Рядом с кладбищем *Линдашка* < вепс. lidn ‘город’ ранее располагались следующие населенные пункты:

д. *Городища*, 1496 г., она же — д. *Городище* словесет Ильинское, 1563 г. (ПКОП: 32, 225), д. Пустошь над *городком* (Ильина), 1873 г. (СНМ 1873: 129);

д. у *Городища*, 1496 г., она же — д. у *Городища* Фетковский след, 1563 г. (ПКОП: 33, 226), д. Федьковская — над *Городком* (Рагозина), 1873 г. (СНМ 1873: 128) (располагалась на р. Ошта в 1,5 км выше ур. Линдашка).

Заметим, что топоним *Линдручей* может быть возведен не только к вепс. *lidn* ‘город’, но и к карел. *linna* ‘город’, если принять, что [д] является вставным звуком, возникшим на стыке топоосновы и детерминанта. Подобные факты встречаются в топонимии Юго-Восточного Обонежья: *Чунручей* > *Чундручей*, *Лайнозеро* > *Лайндозеро*, *Но(в)зручей* > *Ноздручей*. Однако, наличие топонима *Линдашка* (< вепс. *lidn*) делает такую версию маловероятной.

По нашему мнению, метатеза *Lidn-* > *Lind-* обусловлена сближением топоосновы со словом базовой лексики — вепс. *lind* ‘птица’, поскольку слово *lidn* ‘город’ в более позднее время могло быть утрачено местными вепскими говорами ввиду отсутствия реалии. Кроме того, стоит отметить, что именно форма *линдь* ‘город’ употребляется в самой ранней письменной фиксации вепского языка — вепско-людиковских заговорах XVII в. [Мызников 2010: 295].

Таким образом, топонимические и археологические данные позволяют предполагать о:

- наличии в X–XIII вв. поселений древних вепсов на оз. Тудозеро (Туд), на р. Андома (МакВ), на оз. Муромское (Гак) и в бассейне р. Вытегра (Тал);
- возникновении в XII–XIV вв. на важных участках водно-волоковых путей — на реках Андома (МакВ) и Самина (Сам) укрепленных поселений — «городков» / вепс. *lidn*.

2. Границы освоения территории по данным топонимии

Как показывают исследования И. И. Муллонен, приуроченные к границам водных бассейнов топонимы с основой *Пиг-*, *Пих-* и *Свят-* на территории Присвирья и Обонежья относятся к раннему вепскому топонимическому наследию, датируемому временем не позднее XI в., и восходят к вепс. *pühä* ‘святой’, в раннем значении ‘изгородь, ограда, граница’. О том, что названия с основой *Свят-* являются русскими кальками вепских оригинальных топонимов позволяет предполагать географическое положение указанных объектов [Муллонен 2002: 145–155].

На исследуемой территории нами выявлены следующие топонимы с данными основами:

Пихболото, бол. (АнР: Никола) < вепс. **Pühä/so*³, где *so* ‘болото’ Болото расположено на водоразделе Балтийского (в 1 км от истока руч. Ключняк, притока 2-го порядка р. Андома) и Каспийского морей (является истоком ручья, впадающего в р. Сойда). Таким образом, топоним маркировал границу между бассейном рек Андома и Сойда, а позднее — между новгородским Андомским погостом и Белозерским княжеством.

Святая Вода, руч., конец XVIII в. (ПлН: Хвощевники) (ГПВУ). Ручей относится к бассейну оз. Тудозеро (лев. пр-к Повреки), а водотоки, расположенные восточнее (менее, чем в 1 км) и южнее — к речной системе Вытегры. Таким образом название маркирует границу между бассейнами рек Андома и Вытегра, а позднее — между Андомским и Вытегорским погостами;

Святое, оз. (ЛадвК: Куржинская пустынь) — одно из самых верхних озер в истоках р. Андома. Топоним обозначал границу между бассейнами рек Андома и Водла (в 4,5 км

³Здесь и далее в сложных прибалтийско-финских названиях, переданных в латинской графике, для удобства читателя между основой и детерминантом ставится знак / (слеш).

севернее начинается р. Сомба, приток р. Водлы), а также Балтийского (р. Андома) и Каспийского морей (в 3,5 км восточнее протекает ручей из Таборских озер, принадлежащий речной системе р. Сойда).

В свою очередь, сформировавшуюся в бассейне р. Андома границу освоения, обозначали следующие топонимы:

Пи́хнос, ур. (Слоб) < вепс. *Pühä/n'em', где n'em' 'мыс'.

Свят-ручей, руч. (Зам: Носовая) (НАРК, ф. 27, оп. 3, д. 51/463, л. 43) < вепс. *Pühä/oja, где oja 'ручей'. Это, очевидно, современный *Уклучей* (МакВ: Аркучево).

Реконструкция данной границы основана на следующих фактах. Особенностью бассейна р. Андома является то, что «р. Андома на своем более чем 100-километровом протяжении описывает дугу и сходится верховьями с главным своим притоком р. Самина, которая сливается с ней недалеко от места впадения в Онежское озеро, замыкая тем самым круг на значительной лесной территории» [Гусельникова 2000: 170].

Эта особенность придает зеркальную схожесть в освоении бассейнов рек Андома и Самина. Своеобразная ось симметрии проходит через место слияния этих двух рек. Так, по р. Самина первые группы порогов начинаются на 13 км вверх по течению, по р. Андома — в 15 км выше впадения Самины. Невозможность прохождения порогов на лодках, а в зимний период — на санях по льду реки обусловила появление сухопутных путей. Так, за 1,5 км до начала порогов от берега р. Самина отходит дорога к быв. с. Слобода, за 2 км до начала порогов от берега р. Андомы отходит дорога к с. Замошье. В зимнее время эти сухопутные пути вели в восточную часть бассейна р. Андомы и позволяли двигаться в Каргополье и Белозерье.

В районе удаления от реки каждой из дорог ранее располагались уже упомянутые укрепления — Саминское и Макачевское городища. Они охраняли участки важных водно-волоковых путей из бассейна Балтийского моря в бассейн

Белого и Каспийского морей, а в случае надобности перекрывали торговые пути из Новгорода в Двинскую землю и путь вокруг Онежского озера. Средневековые источники подтверждают важность этого пути — в XVI в. «посад» Андома находился на «большой дороге, которой купцы ездят от Холмогор к Великому Новгороду» [Штаден 1925: 126].

Возле этих дорог на холмистых местах, удобных для ведения подсечно-огневого земледелия, не позднее второй половины XV в.⁴ возникли самые ранние в Андомском погосте гнёзда поселений водораздельного (сележного) типа — Слобода и Замошье. Возле последних и располагались ур. *Пихнос* и руч. Святой. Восточнее этих деревень начинались незаселенные до вт. пол. XVII–XVIII вв. земли с коренными лесами, раскорчевка которых требовала больших усилий.

Еще одним подтверждением, что граница освоения местности проходила в районе Замошья является то, что расположенная к югу от с. Замошья группа деревень на р. Андоме (немногим выше впадения Укручья) носит название *Верховье* (в состав гнезда поселений входили деревни Дорофеево, Либово, Тарасово и Теркино) (ПДА; СНМ 1892: 477).

В данном случае под *верховьем* понимались самые верхние по течению реки деревни. Верхним хронологическим рубежом появления этого названия является вторая половина XV в. — время возникновения гнезда (группы) деревень Цимино («на Кресной горе»)⁵, расположенных по р. Андома выше Верховья.

Именно о вепсских, а не о карельских истоках топонимов с основой *pühä-* в Обонежье убедительно свидетельствует ареальный и хронологический анализ, проведенный И. И. Муллонен. Во-первых, данная модель отсутствует на путях карельской экспансии из Северного Приладожья в

⁴В писцовой книге 1563 г. отсутствует обязательное указание о том, что д. в Замошье и в Слободе появились после составления писцовой книги 1496 г.

⁵В писцовой книге 1563 г. отсутствует обязательное указание о том, что д. на Кресной горе появились после составления писцовой книги 1496 г.

Обонежье, в то время как она хорошо представлена на путях вепсского продвижения на север. Во-вторых, ко времени карельского проникновения в Обонежье модель «святых» гидронимов утратила продуктивность в топонимии, поскольку к этому времени произошла смена значения слова *pühä* ('гра-ница' > 'святой') [Муллонен 2008б: 113].

На бытование подобной модели в Южном Обонежье указывает и тот факт, что граница между Мегорским и Оштинским погостами (соседние с Вытегорским пог.) проходила в районе **Пигижозера* («мнтръ Кедрова пустынь на *Пигиже озере...*», 1628–1629 гг. (ПК 1628: № 1)), где *Пиг-* < вепс. *pühä*.

В связи с изменением значения вепс. *pühä* указанные объекты стали восприниматься как сакральные. Об этом свидетельствует тот факт, что замошский руч. *Свят-ручей* имеет второе название — *Укручей*, а руч. *Святая Вода* соседствует с руч. *Укручем* (ПлН: Макридино) (последний расположен в 5 км Юго-Восточнее руч. Святая Вода). То-пооснова *Ук-* в данном случае восходит не к современному вепс. *uk*, карел. *ukko* 'старик', а к имени прибалтийско-финского бога-громовержца *Ukko*.

Таким образом, судя по наличию топонимов с основой *Пих-* / *Свят-*, древним вепсам не позднее XI в. были известны водоразделы между бассейнами рек Андома (басс. Балтийского моря) и Сойда (басс. Каспийского моря), оз. Тудозеро и р. Вытегра (оба — басс. Балтийского моря), а граница освоения территории проходила в районе современных Замошья и Слободы (что, впрочем не означает, что к этому времени поселения в Замошье и Слободе уже имелись).

3. Ранние письменные источники об этноязыковой ситуации

О наличии на территории Юго-Восточного Обонежья вепского (по терминологии того времени — чудского) населения указывают ранние письменные источники — жития святых.

Так, о проживании в середине XIV в. рядом с будущим Муромским монастырём (Гак) некрещеных «чуди» (вепсов) и «лопян»⁶ упоминается в «Житии Лазаря Муромского». Пребывание здесь вепсов не вызывало сомнений ни у В. В. Пименова, ни у Д. В. Бубриха, несмотря на некоторые несоответствия в датах и именах данного документа и установленную С. Н. Валком подложность грамоты на владение землями [Пименов 1965: 186; Бубрих 1947: 24; Валк 1937: 301–303].

В начале XIV в. чудским (надо полагать, вепским) было и население в бассейне р. Лёкшма, примыкающее к Юго-Восточному Обонежью с северо-востока. Так, житие Кирилла Челмогорского — основателя Кирилло-Челмогорского монастыря в Каргополье (располагался в 45 км к северо-востоку от д. Сойдозеро) сообщает, что «не крещены живущие в окрестных местах, иже имяху чудский язык и веру» [Барсов 1869: 22].

Вместе с тем отметим, что указанные сообщения о длительном сохранении в восточном Прионежье изолированных в культурном отношении групп финно-угорского населения вызывали сомнения у Н. А. Макарова. Он полагал, что оба жития составлены не ранее вт. пол. XVII в. и следовательно, восходят к устным преданиям о чуди, а не к каким-либо оригинальным ранним источникам, впоследствии утраченным [Макаров 1990: 132–133].

Специальные исследования показывают, что лишь краткая редакция «Жития Лазаря Муромского» была создана

⁶Лопяне — группа населения, вероятно, близкая саамам в языковом отношении.

около сер. XVII в., а пространные более древни — одна середины XVI в., а другая — конца XV — начала XVI в., в основе же всего лежит подлинная биография Лазаря, записанная Феодосием в конце XVI в. [Литвинова, Прохоров 1988: 288–290].

Таким образом, сведения о проживании в XIV в. в Юго-Восточном Обонежье чуди (в данном случае — вепсов) заслуживают доверия.

Ранние массовые письменные источники — писцовые книги 1563 г. и 1583 гг. также фиксируют на исследуемой территории следующие топонимы вепсского происхождения:

Гив-ручей, руч., 1563 г. (Туд: Остров) (ПКОП: 201), позднее — *Гирвушка*, 1785 г. [Озерецковский 1989: 186], *Вирбушка* (ПДА), картограф. *Вербушка* < вепс. *Hir'v/-oja, где вепс. *hir'v 'лось (Alces alces)'; *Гив-озеро*, оз., исток Вербушки, 1563 г. (Туд: Синяково) (ПКОП: 201), позднее — *Гербозеро* / *Ербозеро* < *Hir'v/jär'v.

При наличии карел., фин. hirvi 'лось', закономерно восстанавливается вепс. *hir'v 'лось'⁷, учитывая характерную для вепсского языка утрату конечного -i, сопровождавшуюся палатализацией одной из предыдущих согласных: вепс. jär'v — карел., фин. järvi 'озеро', вепс. sär'g — карел. särgi, фин. särki 'плотва' (СОСД: 65).

Переходы [r'] и [l'] > [j] > ø в топонимии Юго-Восточного Обонежья отмечаются неоднократно: *Sär'g/jär'v > *Сяйгозеро*, *Сягозеро*; *Kirvez/oja > *Киръвез ручей* > *Кивез-ручей*; *Kal'l'/oja > *Кальручей* / *Кайручей*; *Šol'l'/laht > *Шойлахта*.

Переход h (γ) > z / в / ø (в последнем случае — исчезновение звука) встречается и в других топонимах Юго-Восточного Обонежья: *Pohj/jogi > *Поурека* > *Погрека* / *Поврека*; *Наку(k)s- > *Гакукса* / *Вакукса* / *Акукса*.

⁷В современном вепсском языке в качестве названия лося употребляется русское заимствование — loš', в словарных материалах отмечено также hirvoi (SKES: 78).

Кроме того, переход *Вирбушка* > *Вербушка* связан сближением неясной основы с вепс. *virb-* ‘верба (*Salix*)’ и рус. *верба*.

На современной и исторической вепсской территории топооснова *Hirv(o)i-* отмечена в названиях: *Гирвайсо* / *Hirvoi/so*, бол.; *Ирбоюшка* / *Ирбылика*, бол. (басс. р. Оять) (СГЮВП: 51, 61); [Муллонен 1988: 100].

Кукасовская гора, холм и д., XVI в. (ПлН: Макридино): «д. Пустынка же словет на *горе Кукасовская*», 1563 г. (ПКОП: 211), она же — «пустошь, что была деревня *Кукасовская гора*, Пустынка», 1583 г. (ПКЗ: 278), «пустошь, что была дров *Кукасоновская гора* пустынка», 1628 г. (ПК 1628: № 44) < вепс. **Kukaz* < вепс. *kukaz* ‘холм, горка’, при карел. *kukkula*, *kukkura*, *kukkuri* ‘крутая гора; холм; вершина горы или сопки’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 45]. При этом первая из приведенных фиксаций содержит пример топонимического калькирования. Топооснова *Kuk(kaz)-* неоднократно встречается на современных и исторических вепсских территориях в Юго-Западном Обонежье, Присвирье, Западном Белозерье [Муллонен 1994: 66–68]. Писцовыми книгами Обонежской пятины аналогичный топоним зафиксирован в 1563 г. в Присвирье: «д. на Кукасах же на горе», «деревни на Кукасе же горе» (пог. Никольской в Ярославичах — Подп: Ярославичи / вепс. *Vilhal*) (ПКОП: 248).

Мягадрага, починок, 1563 г. (ПКОП: 210), позднее — *Магадраяк*, починок, 1583 г. (Вытегорский пог.) (ПКЗ: 271) < вепс. **Magad/rajak*, где *magad* ‘змея’ (в карельском подобное обозначение змеи отсутствует), вепс. *rajak*, карел. *rajakko* ‘заброшенная, заросшая лесом лесная подсека’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 77].

Пянишовской, починок, 1563 г. (КЧП) (ПКОП: 210). В основе названия починка, вероятно, лежит нередкий вепсский антропоним *Jäniš*, в свою очередь восходящий к вепс. *jäniš*, *g’äniš*, *d’äniš* ‘заяц’, при карел. *jäniš*, карел. твер. *jän’is* ‘заяц’.

О существовании соответствующего вепсского антропонима свидетельствует вепсская уличная фамилия *Dänišahne*/рус. *Зайцев* (Прион: Шокша) [Муллонен 2008а: 162] и ойконим вепсского происхождения на р. Ножема — *Янишево*, д. (Баб) (в данном населенном пункте использование вепсского языка зафиксировано в начале XX в.) [Tunkelo 1946: 8–9].

Оба починка возникли в период с 1496 г. по 1563 г. С большой долей вероятности, основатель Пянишевского починка носил соответствующее вепсское прозвище, а житель д. Магадраяк был носителем вепсского языка, поскольку писцовая книга 1563 г. указывает: «Починок Пелте-остров *словет* Магадрага».

С основой *jäniš* (по крайней мере, в вепсском языковом сознании)⁸ связывался и другой гидроним Юго-Восточного Обонежья:

Заячье озерко, оз., 1551 г. (Рядная 1551: 272), позднее — оз. *Зайцкое*, конец XVIII в. (ГПВУ), позднее — *Янишозеро* / *Янишево*, оз. (Яниш).

Таким образом, фиксируемые письменными источниками топонимы свидетельствуют о распространении вепсского языка:

- в бассейне р. Вытегра — в XVI в. (починки *Магадраяк* и *Пянишовской*);
- на Тудозере (Туд) — в конце XVII в. (вепско-русская калька *Сосновицы* / *Гонгиницы* < *Hong(o)l);
- на р. Янишевка (Яниш) — позднее конца XVIII в. (руско-вепсская калька *Заячье озерко* / *Янишозеро* < *Jäniš/jär'v).

⁸Название озера может восходить и к довепс. *än- (соотносимому с сам. ædne) 'большой', оформленному вепским деминутивным формантом -ine (основа -iže-) [Муллонен 2002: 276–277].

4. Этноязыковая ситуация в прилегающих районах в XVIII–XX вв. и исходные места миграций носителей вепского языка

Позднее вепский этнический и языковой элемент распространялся на территорию Юго-Восточного Обонежья в результате:

- значительного притока населения на территорию Андомского погоста-округа из разоренных военными действиями погостов Олонецкого перешейка в период с 1563 г. по 1583 г. [Амелина 2006: 297]. Применительно к этому времени можно говорить о миграции носителей вепского и частично носителей карельского языка, поскольку время «карелизации» вепского населения Олонецкого перешейка (территории между Ладожским и Онежским озерами), в результате которой сформировались современные карелы-ливвики и карелы-людики, может быть определено как XVII–XVIII вв. [Карелы 1983: 32; Орфинский, Муллонен, Винокурова 2006: 21].
- переселений с примыкающих к Юго-Восточному Обонежью вепских территорий, обрусевших в XIX в. (Ундозеро, Куштозеро, басс. р. Кема).

Вообще ранее территория Юго-Восточного Обонежья была окружена группами вепского населения: севернее — в Водлозерье (в 70 км от с. Гакугсы) обрусение вепсов завершилось не позднее первой трети XVIII в. [Логинов 2006: 249], в расположенных восточнее населенных пунктах в бассейне р. Тихманьга и р. Ухта «чудь обруселая» зафиксирована «Списками населенных мест» 1873 г. в числе более 6000 человек [Йоалайд 1989: 79]; (СНМ 1873), из них самой территориально близкой к Юго-Восточному Обонежью была д. Фалькова на оз. Ухтозере (СНМ 1873: 66) — в 17 км от д. Янишево.

Далее указаны ближайшие к Юго-Восточному Обонежью деревни, где вепский язык использовался еще как минимум в конце XIX в.:

Таблица 1. Ближайшие к Юго-Восточному Обонежью вепские деревни (по состоянию на конец XIX в.)

Направление и расстояние до Юго-Восточного Обонежья	Вепские населенные пункты	Данные, подтверждающие использование вепского языка
Восточнее — в 50 км к востоку от вытегорской д. Рубеж и в 50 км к юго-востоку от андоморецкой д. Маткозеро	Исаево (вепс. Isar'v) — село Чернослободской волости Выт. у. Олон. губ.	В с. Исаево в 1887 г. записаны образцы вепской речи [Basilier 1890]
Южнее — в 20 км от д. Тагажмозеро	Ундозеро (вепс. Undg'är'v) и Куштозеро (вепс. Kušt'k'är'v) — села Коштутгской волости Выт. у. Олон. губ.	Ундозерские и куштозерские вепсы известны по данным А. Аלקвиста (1861), на Куштозере вепскую речь можно было слышать еще в 1940-е гг. [Йоалайд 1989: 78; Joalaid 1998: 12]
Западнее — 40 км по Онежскому озеру от вытегорской д. Чундручей до д. Щелейки, 44 км от Муромского монастыря до д. Другая Река	д. Щелейки (вепс. Kal'l'), д. Другая Река (вепс. Tožeg) и проч. населенные пункты между г. Петрозаводском и с. Вознесеньем	Современные деревни прионежских вепсов (Подп; Прион). Как вепские (населенные главным образом «чудью») отмечались в списках населенных мест 1873 г. (СНМ 1873)

О переселении в Юго-Восточное Обонежье жителей из вепских местностей свидетельствуют следующие антропонимы и ойконимы: Зенко *водлоозерец*, 1563 г., починок на Сад-озере (вероятно, Сой) (ПКОП: 199) (обрусение вепсов в Водлозерье завершилось не позднее первой трети XVIII в. [Логинов 2006: 249]); д. *Ундозерская* «вверх Вытегры реке

словет Савина гора», 1563 г., позднее — Савино, д. (Марк) (ПКОП: 207).

О долгом сохранении прочных связей между водлозёрами, вытегорами и андомцами свидетельствует то, что в конце XIX в. водлозёры везли выловленную рыбу не в близкую им Шуньгу (60 верст по зимнику), а продавали ее на ярмарках в Андоме, Вытегре, Каргополье, Посвири и даже Вёсьегонске. Причину таких поездок К. К. Логинов видит в этноисторических связях региона — ведь «даже окончательно обрусев, потомки древних вепсов сохраняли в Восточном Обонежье хозяйственные и культурные связи, тяготеющие к былым путям распространения в этом регионе» [Логинов 2006: 366].

Для контактов населения не было непреодолимым препятствием даже такое крупное и беспокойное озеро, как Онежское. Наоборот, в период ледостава проложенные через озеро зимники улучшали транспортную доступность. Летом озеро, хотя и с опасностью для жизни, пересекали на лодках. О связях населения с противоположных берегов озера свидетельствуют следующие факты:

- согласно материалам двух ревизских сказок 1782 и 1795 г., крестьяне расположенного в Заонежье Кижского погоста (Сенногубская и Кижская волости Кижской трети) вступали в браки с жителями Андомского погоста-округа [Воробьева 2001]. Переписная книга 1678 г. также фиксирует отдельные выходы населения из Кижского погоста в Андомский [Амелина 2006: 294]. Следует отметить, что в Кижском погосте (на оз. Сандал и оз. Лижмозеро) в XX в. имелось карельское людиновское население (Kujola 1944: картосхема), сформировавшееся в результате «карелизации» вепсов. Надо полагать, что «карелизация» вепского населения в Заонежье происходила в XVII–XVIII вв. и завершилась лишь в конце XIX – начале XX в.⁹;

⁹Следует отметить, что людики и северные вепсы пользовались одним и тем же эндоэтнонимом — вепс. *lūdi(nik)*, люд. *lūüdi*, имели общий эк-

- жители северо-западного побережья Онежского озера — карелы-людики из с. Суйсарь осуществляли лов рыбы у Андомской горы [Логинов 1997: 101];
- временные (сезонные) миграции вепсов с западного побережья Онежского озера (Прион: Другая Река, Каскезручей) на восточное андомское побережье (Так: Подмонастырская) с целью лова рыбы для Муромского монастыря зафиксированы в начале XX в. [Пушкарёв 1900: 74]. Это обстоятельство позволяет не исключать возможности переселений вепсов в Юго-Восточное Онежье с западного побережья Онежского озера с целью постоянного проживания.

С андомским побережьем прионежских вепсов связывается также приводимое В. В. Пименовым предание, зафиксированное в вепсской д. Вехручей (Прион) о том, что во времена Василия Тёмного (сер. XV в.), жившие в пределах Новгородского княжества вепсы из-за взимания с них большой дани пошли на Андомское побережье Онежского озера, а после сражения с княжеской дружиной захватили ладьи Муромского монастыря и переправились на западный берег Онежского озера [Пименов 1965: 130].

С юго-востока приток населения обеспечивала южная часть бассейна р. Кема (северное Белозерье), чем в т. ч. можно объяснить длительное существование — позднее XVIII в. вепсского языка в Янишево (басс. р. Кема) и, как мы увидим в дальнейшем, в группах поселений Сойдозеро (басс. р. Кема), Ладвозеро и Курженское Озеро (вост. часть басс. р. Андома). Так, по словам наших информантов, д. Гурово

зоэтноним, данный им карелами-ливвиками — *vepsä* [Йоалайд 1989: 82], одинаково называли и свой язык — вепс. *lūdikel'*, люд. *lūūdinkiel*. Действительно, вепсский язык и людиковские говоры чрезвычайно близки. Это позволяло ранее — в конце XIX — начале XX в. относить последние к вепсскому, а не к карельскому языку. Ср., например, название научной работы известного финского лингвиста А. Генеца по людиковским говорам: «*Vepsän pohjoiaet etujoukot*» / «Северные авангарды вепсов» (1872–1875).

на оз. Курженском (ЛадвК) основали переселенцы с Кемского озера (Кемозера). О том, что Кемозеро дольше других местностей в бассейне р. Кема оставалось вепским, свидетельствует мощный вепский субстрат в топонимии [Муллонен 2012б: 18]. О наличии, видимо, значительного поселения вепсов на Кемозере указывает и Л. А. Субботина, основывая свои выводы на личных наблюдениях в составе Севернорусской топонимической экспедиции (1970, 1972 гг.), рассказах местных жителей, а также ономастическом материале [Субботина 1984: 18].

Таким образом, обобщая сведения лингвистического, археологического и исторического характера, можно заключить, что вепский язык распространился в Юго-Восточное Обонежье из Юго-Восточного Приладожья с носителями приладожской курганной культуры в X–XIII вв. и поддерживался далее в результате миграций вепского населения с Олонецкого перешейка (XVI в.), а также прилегающих территорий Юго-Западного Обонежья и Северного Белозерья, продолжавшихся вплоть до начала XX в.

5. Отэтнонимные антропонимы и топонимы

О преобладании в середине XV в. в Андомском погосте-округе вепского населения можно предполагать на основании того факта, что священник Андомской церкви носил прозвище *Русин*: «Се яз, вдовой священник Хрисанф Семенов сын, прозвище *Русин*, Андомской волости Никольского погоста», не ранее 1580 г. (АнС) (Данная 1580: 148). Прозвище восходит к др.-рус. *русин* < 'русский' (СлРЯ XI–XVII 22: 259).

Антропоним закрепился в названии бывшего двора («хором») священника и починка: «на погосте ж двор *Русиновъской*, а в нем живут таможенники», 1563 г. (ПКОП: 188), «в Никольском погосте в Андомской волости у Больших ворот... подле *русиновых* хором», 1580 г. (Закладная 1580: 144), «по-

чинок *Русиновской* у Николы за полем», 1678 г. (АнС: Андомский Погост) (ПК 1678, ч. 2: 179 об.).

Подобные прозвища встречаются на территории, где вепсское население преобладало и в XX в.: Степанко *Русинов*, 1563 г. (погост Никольский в Ярославичах — Подп: Ярославичи / вепс. Vilhal) (ПКОП: 250).

В случае преобладания русского населения прозвище Русин не могло нести адресную функцию, поскольку не отличало бы одного человека от другого по этнической / языковой принадлежности.

Кроме того, наличие прозвища Русин именно у священника наводит на параллели с более поздним временем XIX — начала XX в., когда в вепсских и карельских приходах священник если и не был единственным лицом, владевшим русским языком, то мог быть тем, кто не владел никаким местным языком, кроме русского.

В свою очередь, топонимы с основой *Вепс-* / *Вепш-*: *Вепсимох*, бол., *Вепсручей*, руч. (ЛобР: Ранина Гора), *Вепшезеро*, два одноименных озера (АнР: Варино; Речное Озеро) засвидетельствованы в местах достоверного проживания карел (Андоморецкие деревни, Лобеги и Ранина Гора) и восходят к карел. *vepsä*, *vepšä* ‘вепс’ (подробнее: [Соболев 2015]).

С учетом времени основания деревень, указанные топонимы маркируют районы вепско-карельских контактов, причем довольно поздних, относящихся ко вт. пол. XVII–XVIII вв.

6. Коллективные прозвища жителей в соотношении с данными топонимии

Жителей д. Сойдозеро (Сой) и д. Корелы (ЛадвК) их соседи обидно называли *черноухими кайванами* [Логинов 2001: 367] < *кайваны* — ‘в дореволюционное время — презрительное прозвище карелов и вепсов’ (СРНГ 12: 324), *кайван* ‘карел, вепс’ (СРГК 2: 314).

Жителей с. Замощья (Зам) окрестное население считало «чистыми *чухарями*» (т.е. вепсами), «хотя те и отрицают свое вепское происхождение» [Логинов 2001: 367].

Наличие указанных коллективных прозвищ свидетельствует о том, что прибалтийско-финские языки: вепский — в Сойдозере и Замощье, карельский — в Ладвозере (д. Корелы) сохранялись здесь дольше, чем в окружающих деревнях.

При этом датировать верхнюю временную границу существования вепского языка в Сойдозере позволяет следующий топоним:

Овдозеро, оз. (Сой), ранее — *Авдозеро*, конец XVIII в. (ГПВУ), где *Овд-* / *Авд-* < вепс. *houd, haud* ‘яма’, при карел. *hauda* ‘впадина; выбоина; углубление; яма’. Топооснова прошла ряд фонетических изменений, хорошо известных в топонимии Юго-Восточного Обонежья: переход прибал.-фин. *ou* > рус. *ов*, прибал.-фин. *au* > рус. *ав* (ср. *Равдручей* < **Raud/oja*, где *Raud* < вепс. *raud*, карел. *rauda* ‘железо’) и утрату звука *h* (см. *Гув-ручей*). Вместе с тем этимология имеет географическое подтверждение¹⁰. По сообщению местных жителей, вода из озера может уходить зимой через яму на его дне и затем возвращаться обратно. Подтверждают это и научные данные, согласно которым Овдозеро — карстовое озеро с периодическими резкими колебаниями уровня воды [Куликов, Богачев, Ильин 1997: 236]. Важно отметить, что для русского языка переход подударного *а* в подударное *о* нехарактерен. Вместе с тем, переход *au* > *ou* известен большинству говоров северновепского и средневепского диалектов вепского языка (Зайцева, Муллонен: 744) и не отмечен в карельском. При этом важно, что указанный переход довольно поздний — он происходил не ранее конца XIX в. (в д. Каргиничи (Подп) датирован периодом 1876 г. – 1960-е гг. [Муллонен 2007б: 42]).

¹⁰ Ранее предлагалась иная трактовка топоосновы — из вепс. *oved* ‘яровая рожь’ (Кузнецов 1995: 57).

7. Отапеллятивные топонимы вепсского происхождения

В данном разделе рассмотрим топонимы, восходящие к вепским апеллятивам, не имеющим аналогов в собственно-карельском наречии карельского языка или отличающиеся от них фонетически. При этом стоит отметить, что некоторые из апеллятивов, особенно указывающие на представителей фауны, в действительности являлись антропонимами (например, *Jäniš*).

Выше уже рассматривалась часть топонимов из этой группы: *Авдозеро* / *Овдозеро*, *Гив-ручей* / *Гиреушка*; *Гив-озеро* / *Гербозеро* / *Ербозеро*; *Кукасовская гора*; *Линдручей*; *Магадраяк*; *Пянишовской*; *Заячье озерко* / *Янишозеро*). Сюда же добавим *Янишево*, поле (Зам).

Кроме того, к данной группе относятся следующие географические названия:

Айнозеро, оз. (Айн: Айнозеро), где *Айн-* < вепс. *ahn* ‘окунь (Perca)’, при карел. *ahven* ‘то же’ (СОСД: 64). В данном случае топооснова *Айн-* является фонетическим вариантом топоосновы *Ахн-* / *Агн-* (подробнее см.: [Муллонен 2008б: 136–137; Соболев 2013: 163]). Вепское происхождение последней отмечали А. В. Кузнецов, А. К. Матвеев, А. А. Макарова (Кузнецов 1995: 9); [Матвеев 2004: 33; Макарова 2013: 321]. Аналогичные топонимы имеются на исторической и современной вепской территории¹¹: *Айннаволок* (Медв: Кургеницы) (СТЗ: 45), *Агнозеро* (басс. р. Оять) (СГЮВП: 43), *Ахнозеро* (Баб) [Макарова 2013: 321]. При этом в карельской топонимии (даже в ливвиковском ареале) используется топооснова *Ahven-* (ТКК);

¹¹В историческую вепскую территорию включается Обонежье, Юго-Восточное Приладожье, Онежско-Ладожский перешеек и примыкающие к ним территории Белозерья, верховий рек Волжского бассейна, Среднее Поонежье (о реконструкции исторической вепской территории см.: [Муллонен 2012б]).

Галманское / *Гарманское*, оз. (Ляд: Кондрахино) < вепс. *Halman/jär'v и *Кигалма* / *Тигал(о)ма*, быв. д. (Ляд) < вепс. *Kiv/halm, где вепс. kivi 'камень', *halm (ген. *halman) — это ранняя форма вепс. haum(eh) (ген. halmhen) 'подсека, пожар'. При этом озеро и деревня расположены в ур. *Лядины* (быв. куст деревень *Лядины*) < рус. олон. *лядина* 'подсека', 'участок в лесу, расчищенный под посев' (СРГК 3: 175). Таким образом, названия озера и куста деревень образуют метонимическую кальку, куста деревень и название деревни — топонимическую микросистему [Соболев 2013: 162].

При наличии карел. halmeh 'заброшенная пожога', использование фонетической формы *halm > houn выявлено только в вепской топонимии. Данный детерминант неоднократно встречается в названиях угодий и урочищ. Приведем здесь лишь пару топонимов, основы которых, как и у рассматриваемого, указывают на характер подстилающей поверхности: Savi/houn (Прион: Каскесручей), где savi 'глина', Ĵur/houn (Прион: Низова), где Ĵur- < вепс. ĵuur 'древса'¹². Кроме того, севернее отмечены аналогичные топонимы — *Галминская Сельга*, уг., *Галминская Пожня*, уг. (Пуд: Каршевский с/с) [Захарова 2015: 101].

Гомнус, однодворная д., 1873 г. (Ляд) (СНМ 1873: 58) < вепс. honuz 'большой дом', при карел. huoneh, huonehus 'постройка, дом' (SSAP 1: 187);

Гонжема, поляна (Слоб) < вепс. hongžom 'сосновый лес' [Соболев 2009]. Географический термин образован от производящей основы hong 'сосна (обычно сухая, высокая); высохшая на корню сосна' и суффикса -žom с собирательным значением. В карельском языке данный суффикс не используется, а применяются аналогичные по значению суффиксы -ikko, -isto (последним соответствуют также вепс. -ik и -išt): карел. honkikko, hongikko 'лес, богатый сухостой-

¹²Здесь и далее примеры северновепских топонимов (Прион) приводятся по [Муллонен 2014].

ной сосной, сухостойный сосняк', *honkisto*, *hongisto* 'сухостойный сосняк'. Аналоги на современной и исторической вепсской территории: *Гонъжсема*, уг. (Пуд: Колодозерский с/с) [Захарова 2013: 149; Захарова 2015: 75], *Hongšom*, ур. (Прион: Васильевская);

Гумбаручей, руч. (Туд: Раньково) < **Гумбарручей*, где *Гумбар-* < вепс. *humbar* 'ступа для полоскания белья' (такие ступы располагались на берегах водных объектов), при карел. *huhmar(i)*, *huu(h)mar* 'ступа' (СОСД: 264). Топооснова *Гумбар-* / *Humbar-* отмечена на исторической и современной вепсской территории: *Humbar/oja*, *Гумбарболото* / вепс. *Humbar/so*, бол., где *so* 'болото' (басс. р. Оять) (СГЮВП: 53), [Муллонен 1988: 112], *Гумборицы*, р. (Лод: Доможирово) (ТКК), ранее — *Гумборицы*, д., 1563 г. (Пиркинский пог.) (ПКОП: 80), *Гумбарнем*, покос (Лод: Старая Слобода) (ТКК) < вепс. **Humbar/n'em*, где *n'em* 'мыс', а также в людиковском топонимическом ареале: *Гумбаручей*, быв. пос. (Пряж) < *Humbar/oja*, где люд. *humbar* 'ступа' (СОСД: 264);

Кагача, оз. (Сой), ранее — *Гагач*, конец XVIII в. (ГПВУ), картограф. *Косач* < вепс. **Какаč*, **Gagač* < вепс. *какаč*, *gagač* 'гагара (*Gavia*)', при карел. *kuikka*, *guikka* 'то же' (СОСД: 59). Озеро соединено протокой с оз. Большим *Лебяжьим*. Таким образом, топонимы *Гагач* и *Лебяжье* образуют топонимическую микросистему. На современной и исторической вепсской территории данная топооснова отмечена в названиях: *Gagač/järv*, оз., где *järv* 'озеро' [Муллонен 1988: 100]; *Kakač/järvut*, оз., где *järvut* 'озерко' [Муллонен 1994: 18]; *Гагач*, руч., исток — *Гагарье*, оз. (басс. р. Оять) (СГЮВП: 53) (в последнем примере названия ручья и озера образуют вепско-русскую топонимическую кальку);

Ламбасозеро, оз., 1885 г. (Таг: Сперово) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 10), где *Ламбас-* < вепс. *lambaz* 'овца', при карел. *lammas*, *lammaš* 'то же' (СОСД: 208–209). Следует отметить, что в вепсской топонимии *Lambaz-* — третья по

частоте среди топооснов, восходящих к названиям домашних животных (после *Hebo-* ‘лошадь’ и *Lehm-* ‘корова’) [Муллонен 1994: 32]. В топонимии современной и исторической вепской и людиковской территории имеются следующие аналоги данного названия: люд. *Lambaz/därve* / рус. *Овечье*, оз. (басс. р. Яндеба) (СГЮВП: 27);

Лапотозеро, оз. (ТагК: Кудомозеро), *Лопатозера*, общ. название 2 оз. (Сой), где *Лопат-* < вепс. **lap̃t* ‘край, бок, сторона’. **Lap̃t-* является дифференцирующей вепской моделью для называния небольших по размеру озер, характеризующихся боковым расположением по отношению к объекту, выступающему точкой отсчета, что подтверждается в т. ч. на примере маленького Лапатозера, расположенного на берегу Кудомозера [Муллонен 2012а: 170–181]. В свою очередь, Лопатозера, принадлежащие речной системе Сойды (басс. Волги) — одни из самых близких к истокам р. Андома (басс. Онежского озера). Однако, еще ближе к верхнему течению р. Андома (в 400 м) находится оз. Салмозеро (ЛадвК), соединенное с Сойдой системой проток. По отношению к этой основной водно-волоковой магистрали Лопатозера и занимали боковое положение;

Лепша, оз. (АнР: Деньгино) < вепс. *lepšom* ‘ольховник, заросли ольхи’ (Кузнецов 1995: 41), ранее — *Лепотозеро*, оз. и д., конец XVIII в. (ГПВУ), где *Лепот-* < **Лепать* < **Леращ*. Оба топонима содержат основу *lep* ‘ольха’, которая в первом случае оформлена характерным вепс. суффиксом множественности *-žom* / *-šom* (при использовании в карельском языке суффикса *-ikkö*: *lepikkö* ‘ольшаник’), во втором — нередким в топонимии вепс. суффиксом *-aš*;

Лузик, руч. (ЛобР: Липовая Сельга) < вепс. *lūzik* (СОСД: 42), *lunzik* ‘костяника (*Rubus saxatilis*)’, при карел. *línčikk(ä)*, *luumarja* (СОСД: 42), карел. твер. *línčikkä*, *l'inunmar'ja*, *tedr'imarja* ‘то же’. На почве народной этимологии топоним мог сближаться с более распространенными словами — вепс. *luzik*, карел. *luzikka* ‘ложка’. Топоос-

нова Lūzik- ‘костяника’ встречается в вепсской топонимии: Lūzik/hāmez, где вепс. южн. hāmez ‘подсечное поле’ [Муллонен 1994: 47];

Маткажи, ур. (Анх. с/с) [Рут 1982: 22] < вепс. matkaized ‘дорожки, пути’, в раннем значении ‘волоки’, при карел. mataset ‘то же’. Ср. ойконим — *Маткажа*, 1873 (Пуд) (СНМ 1873: 178) — деревня располагалась на узком перешейке между озёрами Купецким и Тягозером;

Пальсельга, подводная гряда на Онежском озере (АнГ), где *Паль-* < вепс. pal’l’ ‘рыба паля (Salvelinus)’, при карел. nieries ‘голец, паля (Salvelinus)’ (KKS 3: 488), *-сельга* < здесь: ‘луда, возвышение дна в озере’ < вепс. selg, карел. selgä ‘кряж, возвышенность, холм, гора’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 86]. Ихтиологические данные подтверждают, что в районе Пальсельги имеются значительные скопления палии [Шуров, Широков, Лукин, Ивантер 2008: 119];

Перзакишка, оз. (Алм). Топоним вепсского происхождения, однако предлагаемые этимологии различны. Согласно одной из них, топоним представляет собой образное название, в котором компонент *-кишка* восходит к вепс. kišk ‘кишка’ или к рус. *кишка* в роли географического термина с вероятным значением ‘длинное старичное озеро’ [Матвеев 2004: 58], а первая часть — к вепс. perze ‘зад, задница’ [Макарова 2013: 503]. Согласно второй версии, топоним восходит к вепс. *Perzakišt ‘зады’, где вепс. perzak ‘зад, задний’ оформлено коллективным суффиксом -išt [Муллонен 2013б: 181];

Сара, руч. (Гак); *Саржа*, руч., конец XVIII в., современное название — *Шидра* / *Шидрой* (Туд: Раньково) (ГПВУ); *Саража*, р. (КлС: Саража); *Саража* (Анд: Пытручей), поляна (ПДА) (единичная фиксация); *Сарожа*, р. (Курж: Ильинцы); *Сараручей*, *Сара река*, 1885 г. (ПлН) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/18, л. 1); *Сарская Сельга*, ур., 1885 г. (ПлН: Кильмаручей) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/18, л. 15), покос, 1913 г. (ПлН: Кильмаручей) (НАРК, ф. 27, оп. 2,

д. 31/485, л. 25); *Сарский*, руч. (ПлН: Осинник); *Сары*, ур., 1885 г. (Анх: Белоусово) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 75), ур. «у Гадова озера», 1885 г. (Анх: Филиппово) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 8), ур. (ПлН: Осинник) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/28, л. 8); *Суласарь / Суларучей*, руч., *Олфинский Суласарь, Суласарь Ёльных, Суласарь Тимыных, Суласарь Мошниковых*, поляны (Слоб) (ПДА). Топонимы восходят к вепс. *sar, saga* ‘развилка, разветвление (например, дороги, реки, ручья)’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 88].

Согласно И. И. Муллонен, данная топонимная основа последовательно используется применительно к объектам с идентичной ландшафтной характеристикой: развилка, рассоха, боковое ответвление озера или реки. Данное утверждение подтверждается и известными нам данными: исторический топоним *Саржа* относится к водотоку, который показан на карте как образованный в результате слияния двух равных по длине ручьев. В результате аналогичного соединения водотоков образуются гакукская *Сара* и слободской *Суласарь* < **Sula/sar*, где *-сарь* в данном случае восходит не к вепс. *sar* ‘остров’, а к указанному вепс. *sar*, а топооснова — к вепс., карел. *sula* ‘талый’ (в топонимии — ‘незамерзающий’). Как «развилка» воспринималась и куржеская *Сарожа*, которая в верхнем течении принимает приток — Малую Сарожу. При этом их гидрологические характеристики до слияния сопоставимы: длина Сарожи — ок. 6 км, Малой Сарожи — ок. 8 км, истоками обеих являются озёра. В свою очередь, *Сарский ручей* и *Сарская Сельга* обязаны своим названием ур. *Сары* — месту, где в руч. Сарский впадает протока из оз. Гадово.

По данным И. И. Муллонен, топооснова *Сара* / вепс. *Sara* исключительно продуктивна в топонимии современного и бывшего вепского расселения [Муллонен 2007а: 12]. Однако, в Присвирье (дополним, и в Обонежье) топооснова могла прийти с востока (юго-востока), поскольку ее ареал тянется вплоть до Поочья (подробнее: [Муллонен 2002: 205–208]).

Отметим также наличие на современной и исторической вепсской территории рассматриваемого варианта топоосновы: *Саражэ-* / *Saraž-*: *Saraž/oja* (2), руч.; *Сарожа* (1), р.; *Сароженка* (3), р.; *Сарожа* / *Сароженка* (2), руч. (СГЮВП: 33, 36, 72, 79, 91, 93, 98, 100) (басс. р. Оять), *Саража*, р. и угодья (Медв: Тамбицы) (Заонежье) (СТЗ: 79), *Саражи*, уг. (Пуд: Канзанаволоцкий с/с) [Захарова 2015: 65];

Силистручей, поляна (Курж: Тикачёво), где *Силист* < вепс. *sehlišt, selhišt* ‘крапивник (заросли крапивы)’ (вепс. *sehlišk, šehlišk, sihlaiñe* ‘крапива (*Urtica*)’ (СОСД: 45)). При этом карел. *čilahikko* ‘крапивник (заросли крапивы)’, *čilahaiñi* ‘крапива (*Urtica*)’. Топооснова отмечена в северновепсской топонимии: *Šehlišť/mättaz*, угодье (Прион: Бережное Шелтозеро), где *mättaz* ‘холм, горка’;

Сулаймаручей, руч. (Дев: Ялосарь), где *Сулайма* < вепс. *sulaim* ‘попыньа’, при карел. *sulando, sulain* ‘то же’ (СОСД: 25);

Сюрьга, родник (АнС: Кюрзино) < вепс. **Sür'g'*, входящее к вепс. **sür'j* ‘край, сторона’, ‘возвышенность, горка’ [Муллонен 1994: 62–63], при карел. *sürjä* ‘сторона, бок, край, обочина (например, дороги)’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 92]. Переход *j > g'* характерен для восточных говоров средневепсского диалекта [Зайцева 1989: 95–102]. В данном случае основой номинации послужила яркая особенность, в целом не характерная для других родников — расположение в районе вершины приречного холма, а не у его подножья. В вепсской топонимии неоднократно отмечаются указанные географические названия: *Sür'g'*, д. (Выт: Шимозеро; Баб: Пондала) [Муллонен 1994: 63], *Sür'd'* / *Сюрьга*, д. (Прион: Залесье) [Мамонтова, Муллонен 1991: 92], *Sür'd'* / *Сюрьга*, д. (Прион: Шокша), *Sürd'* / *Сюрьга*, д. (Прион: Горнее Шелтозеро) (СНМ 1926: 52, 54), *Сюрьга*, д. (Прион: Шелтозеро Бережное) (СНМ 1905: 36). Имеются они и на ныне обрусевшей исторической вепсской территории: *Сюрьга*, 3 одноименных д. (Подп: Согиницы, Каковичи, Лод: б. Сюрьянский

с/с, Выт: район Ковжского озера) (СНМ 1905: 46, 112, 140), *Сюръга*, г., уг. (Пуд: Колодозерский с/с) [Захарова 2015: 66], *Сюръга*, уг. (Медв: Падмозеро) (СТЗ: 152) а также в людиковском и ливвиковском топонимических ареалах: *Süria* / *Сюръга*, д. (Пряж: Святозеро), *Сюръга* / *Süriü*, д. (Олон: Мегрега) (СНМ 1926: 66). При этом собственно-карельские топонимы, в отличие от вепских, людиковских и ливвиковских, адаптируются как *Сурья* / *Сюрья*:

Нинисурья / *Нинисюрья*, д., 1500 г. (Корельский у.: Сердовольский пог.) (ПОК 1500: 146, 149) < карел. *Niini/sürjä, где *Нини* < карел. *niini* ‘липа’ (СОСД: 38);

Лепесурья, д., 1500 г. (Корельский у.: Сердовольский пог.) (ПОК 1500: 147), позднее — *Лепнясурья* / фин. *Leppäsyrjä*, пос. (Суо) < карел. *Leppä/sürjä, где *leppä* ‘ольха’ (СОСД: 39);

Сяйгозеро, оз. (АнР: Парушево), *Сягозеро*, оз. (ЛадвК: Куржинская пустынь), где *Ся(й)г* < вепс. *sär’g* ‘плотва (*Rutilus rutilus*)’, при карел. *särgi* ‘то же’. Переходы [r'] и [l'] > [й] > ∅ в топонимии Юго-Восточного Обонежья отмечаются неоднократно — см. *Гив-ручей*;

Хийнозеро, оз., 1885 г. (Илек: Пустынька) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/20, л. 1), где *Хийн* < вепс. *hiin* ‘трава; сено’, при карел. *heinä* ‘то же’. Топоним восходит к вепской лексеме, содержащей поздний переход *ei* > *ii*, характерный для большинства говоров северновепского и средневепского диалектов вепского языка. Ср. аналогичные топонимы на современной вепской территории: *Hiin’/järv*, оз., (5 в басс. р. Оять), из них 4 имеют параллельные русские названия *Сенное* (2), *Сеннозеро*, *Сенозеро* (СГЮВП: 33, 39, 54, 55);

Чидручей, руч., *Чидручейское*, бол. (Сам: Анциферово), где *Чид* < *čidō* ‘белка-летяга (*Pteromys volans*)’, при карел. *tšiiorava* ‘то же’ (KKS). Топооснова отмечается в топонимии современной вепской территории: *Čido/järv*, оз. / рус. *Чидовское* (басс. р. Паша) (СГЮВП: 81), *Čid/oja*, руч. / рус. *Чидое* < вепс. *čidō* [Муллерен 1988: 100];

Чуржега, ур. (АнС), где *Чурж-*, вне зависимости от реальной этимологии топоним мог восприниматься как связанный с вепс. *čurg* ‘угол дома’, что спровоцировало появление поблизости аналогичных топонимов: *Каменный Угол*, ур.¹³ и *Сальма*, покос, здесь: < вепс. *saum* ‘угол дома’ или карел. *šalmo* ‘угол дома (внешний)’ (СОСД: 256) < карел. **salmo*;

Шойлахта, залив на оз. Купецком (Айн: Кельи) < вепс. **Šol’l’/laht*, где *Šol’l’-* < вепс. *šol’l’od* ‘водоросли’, *-laht* < вепс. *laht* ‘залив’, карел. *lahti* ‘залив’ (СОСД: 27). О переходе [l'] > [й] — см. *Гив-ручей*;

Юнгозеро, оз. (АнР: Фофаново), где *Юнг-* < *hüng’* ‘сова, филин’. Аналогичный топоним: *Юнгозеро*, оз. (Пуд).

К вепским лексемам, по-видимому, восходят и следующие 2 топонима. Однако, не совсем ясен мотив номинации.

Видимручей, руч. (АнР: Варино), где *Видим-* < вепс. *vidim* ‘трепалка [для льна]’, при карел. твер. *vid’ein*, *vid’ien*, карел. *vid’ein*, *vit’ien* ‘трепало’, *l’ipšu* ‘било, мялка, трепало [приспособление для отделения кострики от льна]’. Возможно, топоним восходит к вепсскому антропониму прозвищного характера. О том, что приспособление для обработки льна может выступать источником прозвища свидетельствует рус. выт. *броснуха* ‘приспособление для очистки льна и конопли от костры’, имеющее также значение ‘резкая, несдержанная на слова женщина’ (СРГК 1: 119);

Карезручей, руч. (Слоб), где *Карезж-* < вепс. *kareg* ‘распорка, дуга внутри лодки’, при карел. *kuari*, *koari* ‘ребро внутри лодки’. Возможно, метафорическое название, указывающее на извилистость ручья. Вне зависимости от реальной этимологии гидроним воспринимался как связанный с дугой (обручем), с учетом вепс. *kareg* ‘распорка, дуга внутри лодки’, *kare* ‘радуга’ — нами записана быличка о замеченном во

¹³ Впервые пара *Чуржега* — *Каменный Угол* как пример метонимической кальки рассмотрена М.Л. Гусельниковой [Гусельникова 1999: 17].

время сенокоса у Карежручья «медном змее», свернувшимся как «обруцёк на голову» (подробнее: [Соболев 2010]).

К вепским по происхождению топонимам мы относим также те, в основе которых лежит вепская апеллятивная лексика — *abai*, *čuhlik*, *kara*, *laks*, *rozme* / **rozmeg* вошедшая в русские говоры Обонежья соответственно в формах — *обой*, *чуглик*, *кара*, *лакса*, *розмега*, но как видно из приводимых ниже примеров не распространившаяся шире современной и исторической вепсской территории.

О том, что указанные топонимы восходят к вепским оригиналам, свидетельствует сложная структура части подобных топонимов (*Гапкара*, *Регобой*).

Представленную в топонимии Присвирья и Обонежья вепс. лексему *kar(a)* ‘бухта, залив’ И. И. Муллонен относит к дифференцирующим вепским лексемам [Муллонен 2002: 162–165; Муллонен 2008: 25–26]. К данному географическому термину в Юго-Восточном Обонежье восходят следующие топонимы: *Вишвы Кары*, участок реки (МакВ) (ПДА); *Гапкара*, ур. (АнС) [Рут 1982: 21] < вепс. **hab/kar*, где вепс. *hab* ‘осина’; *Денисова Кара*, залив оз. Немецкого (Слоб); *Кара*, 2 одноименных залива р. Андома (АнС: Михалёво; АнС: Сорочье Поле); *Кобылья Кара*, оз. (АнС: Сорочье Поле); *Черная Кара*, залив (АнС: Сорочье Поле); *Травяная Кара*, залив оз. Немецкого (Слоб). Аналоги с топоформантом *-kar*, *-кара* весьма многочисленны на современной и исторической вепсской территории. Ограничимся лишь упоминанием полного совпадения с андомским топонимом: *Гапкара*, залив (басс. р. Оять) (СГЮВП: 65). На апеллятивном уровне географический термин в данном значении представлен в говорах Обонежья, Присвирья, Белозерья и Приладожья: *кара* (Выт, Лод, Подп) ‘залив, заводь на реке или озере’ (СРГК 2: 327–328), (Баб, Бел, Выт, Карг) ‘залив, заводь, бухта на реке или озере, иногда в излучине реки’ (СГРС 5: 63), в тех же значениях на оз. Ладожском (СРНГ 13: 62), в Карельской Масельге и Данилово (Медв) (Куликовский 1898:

34). Наиболее ранняя фиксация в Обонежье и Присвирье — в писцовых книгах 1496 и 1563 гг.: «д. на *каре* у погоста», 1496 г. (пог. Никольской Готслав волок) (ПКОП: 19), «д. на Ивене в *лагте* словет на *каре*», «д. в *лахте* ж словет в Черной *каре*», «д. в Губе ж словет в *Каре*», 1563 г. (Остречинский пог.) (ПКОП: 104, 108), «д. на Толвуде ж в наволоке словет в *Каре*», 1563 г. (Толвуйский пог.) (ПКОП: 142), где *губа* и *лахта* / *лагта* (< вепс. *laht* ‘залив’) также являются обозначениями заливов.

Лакса, покос, 1913 г. (Таг: Карово) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, л. 11); *Лакса*, бол. (Курж: Ильинцы) (ПДА); *Лаксы* (Макачевский с/с) [Рут 1982: 22] < вепс. *laks* ‘ложбина, овраг’, ‘низина’. На ашпеллятивном уровне термин известен в Вытегорском и Бабаевском районах Вологодской области: *лакса* (Анд, Мак, Сам, Туд) ‘залив, лужа’ [Рут 1982: 22], *лакса* (Баб, Выт), *лаксовина* (Выт) ‘мелкая бухточка, переходящая в болотистую низину’ (СРГК 3: 92), *лаксы* (Выт) ‘маленькие болотины’ [Логинов 2000].

Обой, мн. ч. *обои*, приречные озера и заливы рек < вепс. *abai* ‘заводь’, при карел. *abaја*, *араја* ‘тоня; место, где опускают невод’: *Вашуковский* (Сам: Вашуково), *Кувшиновский* (АнС: Кувшиново), *Маринский* (АнС: Марино), *Митровский* (АнС: Митрово), *Пнёвские* (Сам: Пнёво); *Пусторской* / *Рембача* (АнС: Пустошь), *Ульяшёвский* (Сам: Ульяшево); *Регобой* / *Ребогой*, руч. (АнС: Сорочье Поле) < **Regi/abai*, где *regi* ‘дровни, сани’, т. е. залив, по льду которого ездили на санях. Действительно, через ручей проходила дорога от села Андома к Андомогорским деревням, к устью Андомы и Онежскому озеру. По ней можно было проехать только зимой из-за наличия обширных непроходимых болот. На апеллятивном уровне лексема *обой* ‘небольшой залив на реке; водоем меньше озера, большая лужа’ распространена крайне локально. По нашим полевым данным, она известная в нижнем течении рек Андома и Самина (Выт).

Розмега, ур. (Зам) (ПДА); покос, 1913 г. (КЧП: Нижняя Кудома и На реке Кудоме) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, лл. 2, 5), покос, 1913 г. (КЧП: Осек) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/485, л. 5), соотносимое с вепс. *rozme* 'ржавчина (на воде, металле)' < вепс. **rõzmeġ* 'то же' (реконструкция по [Муллонен 2002: 53]). В писцовых книгах Обонежской пятины аналогичные топонимы отмечены уже в 1563 г.: «д. на Муд же озерке словет на **Розмеги**», 1563 г. (Важенский пог.) (ПКОП: 97), **Розмега**, починок, 1563 г. (Мегорский пог.) (ПКОП: 219). Подобные топонимы отмечаются в Присвирье и Заонежье: **Розмега**, уг. (Медв: Мишалево) (СТЗ: 140), **Розмега** / **Розмига**, руч. (басс. р. Паша) (СТЮВП: 104). На апеллятивном уровне термин фиксировался в Петрозаводском уезде Олонецкой губернии: **розмега** 'лужица с ржавой водой на лугу, болоте' (Куликовский 1898: 101).

Чубрики, ур. (ПлН: Плоские Нивы) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/28, л. 8), **Чуглик**, покос, 1913 г. (ПлН: Плоские Нивы) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/485, л. 29) < вепс. *čuhlik* 'берестяной черпак для питья', в топонимии, по данным И. И. Муллонен — 'угол, край, конец' [Муллонен 2002: 301], ср. также вепс. **čuhak* / **čuhuk* 'возвышенное место, холм, горка' [Муллонен 1994: 56–57]. Топоним имеет аналоги в северновепской топонимии: *Čuhlik*, уг. (Прион: Васильевская). Примером аналогичного перехода *г* // *б* являются топонимы: **Чублак**, гора (Пуд: Песчанский с/с), **Чублик** / **Чублики**, уг. (Пуд: Кривецкий с/с), Под **Чубликом**, бол., уг. (Пуд: Кривецкий с/с) [Захарова 2015: 57], **Чуглак** / **Чублак**, гора (Медв: Чужмукса) (СТЗ: 109). В русских говорах Обонежья и Присвирья **чублик**, **чуглик** (Дев, Туд) 'деревянный или берестяной ковшичек для питья воды из ручейков, родников' (Куликовский 1898: 134), (Выт) 'берестяной черпачок для питья воды' (СРГК 6: 779).

8. Антропонимы и отантропонимные топонимы вепсского происхождения

Писцовые книги XV–XVI вв. неоднократно фиксируют в Юго-Восточном Обонежье антропонимы прибалтийско-финского происхождения. С языковой точки зрения большинство из них могут трактоваться в равной степени как вепские, так и карельские.

Фамилии и прозвища, которые уверенно можно отнести по происхождению к вепским, известны на территории Юго-Восточного Обонежья в более позднее время:

Гурбичев (Ляд: Гурбичевская) — название быв. д. **Гурбичевской** и фамилия ее жителей — **Гурбичевы**, несмотря на созвучие с фамилией еврейского происхождения **Гурбич** / **Гурвич**¹⁴, восходят, очевидно, к прозвищу ***Gurbič** < вепс. **gurbič** ‘вальдшнеп (*Scolopax rusticola*)’, которое могло обозначать горбатого человека, ср. вепс. **gurb** ‘горб’. Аналогично карел. и фин. фамилия или прозвище **Kurppa** (Выб: **Uusikirkko** / совр. Поляны, 1561 г.; **Muolaa** / совр. Правдино, 1561 г.; **Kanneljärvi** / совр. Победа; Приоз: **Räisälä** / совр. Мельниково) восходят к фин. **kurppa**, которое имеет значение ‘вальдшнеп’, а также ‘сверток, узел, стопка, горб’ (ср. фин. **kurpakas** ‘горбатый’) (USN: 466–467).

Фамилия **Гурбичев**, являясь вепской или подвергнувшейся вепской адаптации, может быть связана с фамилией (отчеством) **Курбицов**, 1651 г. (Андомский пог.) (Челобитная 1651). Последняя, вероятно, имеет карельское происхождение и связана с карельским наследием, сохранившимся в восточных финских говорах — **kurvitsa** (EKar, PKar) ‘кулик’, ‘веснушка’ (SSAP 1: 450) (при соврем. карел. **kurmoi**, **kurvoi** ‘кроншнеп (*Numenius*), вальдшнеп (*Scolopax rusticola*)’, ‘веснушка’ (SSAP 1: 450), ‘обжора’ (KKS 2: 468)).

¹⁴Еврейская фамилия **Гурвич** / **Гурбич** образована от названия населенного пункта в Чехии — чеш. **Hořovice** / нем. **Horschowitz**, **Horowitz** / рус. **Горжовице** [Унбэнгаун 1989: 263].

Корбуи́ха (Слоб) — прозвище женщины, родившейся во вт. пол. XIX в. Данное именование образовано от прозвища ее отца или мужа — рус. ***Корбу́й** / вепс. ***Korboi** < вепс. **korboi** ‘загуста из овсяной муки’ [Соболев 2009: 331]. К указанному этимону возводит фамилию **Корбуев** и И. И. Муллонен. Подобные прозвища востребованы в прибалтийско-финской и русской антропонимии, так как наименования жидких каш используются метафорически для обозначения неумного человека [Муллонен 2010а: 138]. О бытовании прозвища у вепсов свидетельствует его фиксация в Южном Обонежье (в 14 км северо-западнее вепского с. Куштозеро): Михалко **Корбуев**, 1563 г. (Мегрежский пог.: починок на Курч-озере) (ПКОП: 217).

Ханчи́хин (АнГ: Ольково) — в основе фамилии — именование женщины по отцу или мужу — **Ханчи́ха**. Женское прозвище, в свою очередь, восходит к вепс. прозвищу с основой **hand'z'-**, ср. вепс. **hand'z'ak**, **han'z'ak** ‘кол с развилиной на конце, используемый для различных целей’. Передача вепского **-d'z'-** русским **-ч-** аналогична наблюдаемому переходу **-dž-** > **-ч-** в топонимах Приоятья: вепс. **Lid'žma** / рус. **Личма**, XVIII в. / совр. рус. **Лижма**; **Kad'ža/so**, бол. / рус. **Качевское**, бол. [Муллонен 1988: 76].

Семантически антропоним, вероятно, соответствует известному в прибалтийско-финских языках прозвищу **hanko/-rää** ‘недалекий человек, дурень’. Схожее прозвище носил житель Олонецкого погоста Гришка Иванов **Ганго́ня** (ПКОП: 60) < карел. **hango** ‘вилы’ + **rää** ‘голова, конец’ [Мамонтова 1988: 223; Муллонен 2003а: 86].

Таким образом, современные фамилии и прозвища вепского происхождения известны в Андомской горе, Лядинах, Слободе, что говорит о довольно позднем обрусении вепского населения в данных группах поселений. Для Слободы это время, судя по времени бытования прозвища, может быть определено серединой XIX в.

9. Топонимические типы, характерные для вепсской топонимической системы

Данный подраздел посвящен топонимическим типам и топонимам, которые восходят к прибалтийско-финской лексике, используемой в вепсской топонимии, но не характерной или малопродуктивной в карельской топонимической системе.

Один из таких типов — приуроченные к границам водных бассейнов топонимы с основой *Пи́г*-, *Пи́х*- и *Свят*- уже рассматривались в разделе 2.

Кроме того, к топонимам вепсского происхождения по указанному критерию можно отнести следующие:

Кукомять, покос, 1913 г. (Марк: Савино, Ребово) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, л. 29; д. 31/485, л. 10) < рус. **Кукомядь* < вепс. **Kukoi/mägi*, ср. многочисленные названия горok *Kukoi/mägi* (2) (Баб: Войлахта, Пондала), *Kuk/mägi* (басс. р. Оять), *Kuki/mägi* (южновепсский ареал). Топооснова, сближенная народной этимологией с вепс. *kukoi* ‘петух’, в действительности восходит к вепс. *kuk(kaz)* ‘холм, горка’ [Муллонен 1994: 66–67], а топоформант — к вепс. *mägi* ‘гора, холм, возвышенность’. Переход *g > d* представляет собой регрессивную диссимиляцию и отмечается, например, в топонимии Присвирья [Муллонен 2002: 65];

Нимсельга / *Нинсельга*, поляны и покосы ур. (Гак: Симкова) (ТКК, ПДА), *Нисельга*, ур., 1886 г. (КлС: Саржа) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 3/31, л. 45), *Нисельга*, ур. (АнС: Князево) (ПДА), *Нисельга*, покос (Курж: Тикачёво) (ПДА), *Нисельга*, покос, 1913 г. (ПлН: Осинники) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/485, л. 27) < вепс. **Nin'/sel'g*, где *nin'* ‘липа’, ‘луб’, ‘лыко’, *sel'g* ‘кряж, возвышенность, холм, гора’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 86].

Указанные топонимы маркируют места произрастания липы. В данном контексте интересно указание нашего информанта о том, что в ур. *Нисельга* (Курж) «липу драли».

Согласно исследованиям И. И. Муллонен, топооснова *Nin-* (топонимная модель *Nin'/sel'g*) характерна для вепской топонимии, на ее основе вырисовывается граница вепской топонимии, совпадающая с северной границей произрастания липы. По мнению И. И. Муллонен, это может интерпретироваться таким образом, «что средневековые вепсы, осваивающие территорию Карелии, были земледельческим населением», поскольку липа растет на богатых почвах и к местам ее произрастания приурочены сельскохозяйственные угодья» [Муллонен 2012б: 21].

Добавим, что распространенный вепский топоним *Nin'/sel'g* с раннего периода времени подвергался калькированию в Юго-Восточном Обонежье и на смежных территориях:

- *Липовая Сельга*, д. (ЛобР);
- *Лубогора*, ур., 1886 г. (Осин) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 3/41, л. 3);
- *Лычные горы*, название холмов, не ранее середины XVI в. (Пуд) (Ободная 1391: 287);
- *Нисельга* — *Носова гора*, д., 1873 г. (Лод. у.) (СНМ 1873: 108); [Попов 1949: 53]. Вероятно, неверный перевод с учетом вепс. *nena* ‘нос’¹⁵.

Ср. также *Лычный остров*: д. на Сандал-озери в Лычном острове, 1563 г., Кижский пог. — люд. *Nii/suar* [Шилов 2001: 49], где *Nii-* < *niini* ‘липа’, ‘лыко’, *suar* ‘остров’.

На исторической вепской территории сохранились и некалькированные аналоги: *Нисельга*, оставленный медный рудник на берегу оз. Пертозера, 1867 г. (Петрозаводский у.) (Семенов-Тянь-Шанский 3: 480), *Ниселга*, зал., уг. (Плес: Кенозерский с/с), *Нисельга*, уг. (Плес: Кенозерский с/с) [Захарова 2015: 76]. Топоним отмечается также в людиновском и ливвиковском топонимических ареалах: *Нини-*

¹⁵ Иначе считал А. Л. Шилов: с учетом русского названия неверен перевод «Лычная гора» [Шилов 2001: 47].

сельга, 3 одноименных д. (Петрозаводский уезд: Святозерская волость, Сямозерская волость; Олонецкий уезд: Коткозерская волость) (СНМ 1905: 18, 28, 60);

Палтинские, оз. (АнР: Варино) < вепс. *paute, paute* ‘край’, ‘склон, косогор, край поля, межа’ < **palte*. Согласно данным И. И. Муллонен, вепсская лексема в качестве лимнонимной основы приобрела семантику ‘край, бок, берег’ более крупного, центрального озера или реки. Действительно, Палтинские озера расположены с краю от ручья — притока р. Юга, протекающего через ряд озер;

Пехручей, руч. (АнР: Фофаново), где *Пех-* < вепс. *pehk* ‘гнилая, трухлявая древесина’. Продуктивную в названиях болот основу *pehk-* к типовым вепским относят И. И. Муллонен и Е. В. Захарова [Захарова 2012: 187–188; Муллонен 2010б: 426]. На исторической и современной вепсской территории, а также в ливвиковском ареале имеются аналогичные топонимы: *pehk/oja*, 2 одноименных ручья (Олон: Левендукса; Подп: Киприяновская), *Пехручей* (Ваш: Чаготма; Выт: Дундуково), *Пехкое*, покос (Конд: Малое Вороново) < **pehk/oja* [Муллонен, Кузьмин 2008: 228];

Собаранда / Соборанда, участок берега на оз. (АнГ) < вепс. *sobarand* ‘место на берегу, где обычно полощут белье’ [Муллонен 2013б: 182]. Топоним находит аналог в современном вепсском языковом ареале: *Собаранда*, берег оз. Чикозеро (Подп) (СГЮВП: 52);

Ялега, р. (АнС: Сорочье Поле) < вепс. **Jal/eg* < **Jal'/jogi* < **Jalo/jogi*, где вепс. **jalo* ‘большой’, *jogi* ‘река’. Река протекает через оз. Большое / Большее (АнС: Сорочье Поле). Как полагает И. И. Муллонен, название, очевидно, первоначально закрепилось за озером (оз. *Большое* < вепс. **Jalojärv*), действительно крупным на фоне остальных озер, а затем перешло на реку [Муллонен 2013а: 133–134]. Таким образом, *Ялега* и *Большое* представляют пример метонимической кальки.

Ялосарь, д. (Дев) < вепс. **Jalosaŗ* ‘Большой остров’ [Муллонен 2013а: 134];

Ярбутозерко (Таг: Матенжа), где *Ярбут-* < вепс. *järvut* ‘озерко’. Уменьшительный суффикс *-ut* известен и в карельском языке. Однако, идея ‘маленькое озеро, озерко’ выражается в карельской топонимии иначе — посредством карел. *lambi*, *lampi* ‘небольшое лесное, обычно непроточное, озеро’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 52];

Наличие топооснов, нехарактерных для русской, но типичных для вепской топонимической системы, а также учёт географических реалий позволяют также отнести к калькированным с вепских оригинальных названий следующие русские топонимы:

1) Названия смежных деревень в быв. с. Слобода:

- *Гора*, д. (Слоб), ранее — д. *Гора* — в *Слободе*, 1873 г., *Горняя*, 1905 г. (СНМ 1873: 52; СНМ 1905: 134) — деревня находилась на холме;
- *Берег*, д. (Слоб), ранее — д. *Побережье (Берег)*, 1873 г., *Побережье*, 1905 г. (СНМ 1873: 52; СНМ 1905: 134) — деревня располагалась у подножья холма.

Их названия являются, по всей видимости, переводами вепской топонимической пары: **Mägi* < *mägi* ‘гора, холм, возвышенность’ и **Rand* < *rand* ‘подножье горы’.

Однако, при переводе ойконима *Rand* было учтено более известное значение вепской лексемы — ‘берег’.

Подобная пара названий известна также в вепском с. Каргиничи (Подп), где рядом находились:

- д. Габановская с неофициальными названиями *Берег* или *Рандале* < **Rand* или **Randal* ‘на берегу’, ‘на подоле’, если использовать русский народный географический термин *подол* в качестве эквивалента ‘подножье горы’;

- д. Перхинская с неофициальными названиями *Остров* или *Мягале* < *Mägi или *Mägel ‘на горе’ (СНМ 1873: 115).

В XX в. название слободской д. *Побережье* (неоднократно фиксируемое в такой форме в источниках XIX в.) приняло форму *Подберезье* (т.е. место, находящееся под берегом, под холмом). Форма *Подберезье* используется и в современной устной речи (ПДА), а письменно фиксируется уже в 1933 г. [Рыкшин 1933: 155].

Причиной такого изменения названия, вероятно, послужило то, что с точки зрения носителей русского языка топоним *Побережье* не соответствовал географическим реалиям местности, поскольку для русского языка, в отличие от вепсского, противопоставление *берег* — *гора* менее характерно. При этом, в том случае, если рус. *берег* обозначает не прибрежную полосу водного объекта, то оно относится к возвышенному месту.

2) *Медвежий* руч. (АнС: Марино) — калька с вепс. *Kondi/oja, где kondi ‘медведь’, с учетом того, что этот ручей — верхнее течение руч. Шидры, самый северный водоток в бассейне оз. Тудозеро, «вклинивающийся» в бассейн р. Андома.

Как отмечает И. И. Муллонен, kondi- — самая популярная вепсская топооснова из наименований представителей животного мира, при этом она нередко имеет определенную географическую привязку — верховье водной системы, прилегающие к водоразделу объекты [Муллонен 1994: 31].

Известны также людиковско-русские кальки в бассейне р. Усланка (басс. р. Свирь): Kondd’ogi / *Медвежий ручей*; Konddärv / *Медвежье озеро* (СГЮВП: 21), при люд. kondii ‘медведь’, d’ogi ‘река’, d’är’v ‘озеро’.

3) *Петунова гора*, д. (ЛадвК) < *Kuk(oi)/mägi < *Kukkaz < вепс. kukkaz ‘холм, горка’.

Аналоги имеются и в современном русском Кенозерье: *горка Петушки* и *Петушка горка*, которые, по мнению

И. И. Муллонен и Е. В. Захаровой, также восходят к вепс. *kuk(kaz)* [Муллонен, Захарова 2012: 160].

Неоднократно фиксируемые вепсские топонимы *Kukoi/-mägi* являются ярким примером народной этимологии в топонимии. На первый взгляд (в том числе по мнению носителей вепсского языка), они связаны с вепс. *kukoi* ‘петух’ и *mägi* ‘холм, горка’. Вместе с тем, приуроченность топонимов к определенным географическим объектам — холмам (горкам), наличие у части топонимов параллельных вариантов названия — *Kukaz/mägi* и наличие лексемы *kuk*, *kukkaz* ‘холм, горка’ в вепсском Прионежье позволило И. И. Муллонен связывать их с указанным географическим термином, утраченным в остальных вепсских говорах [Муллонен 1994: 66–67]. При этом вепс. *kukoi* ‘петух’, несомненно, учитывалось при переводе топонимов на русский язык.

Наиболее ранний пример зафиксирован в конце XV в. в Юго-Западном Обонежье (Оштинский пог.): д. на *Курье горе*, 1496 г., она же — д. на *Кукоеве горе*, 1563 г. (ПКОП: 31, 222), позднее — *Куково*, д. (Выт): вепс. *kukoi* ‘петух’, при рус. *кур* ‘петух’, *курий* ‘петушиный’ (СлРЯ XI–XVII 8: 134, 138).

4) *Синеголовые*, покос (Зам: Великий Двор) — калька с вепс. **Sini/pä/nitud*, где *sini/pä*, по-видимому, табуированное название змеи (букв. ‘синяя голова’), *nitud* ‘пожни’ (ср. вепсско-людиковское *сини* *пя* как характеристику змеи в заговорах XVII в. [Мызников 2010: 299]).

10. Суффиксация

Как уже отмечалось, в смежном с Обонежьем Присвирье прибалтийско-финские топонимы, оформленные суффиксом -I И. И. Муллонен относит к вепским, поскольку ареально и хронологически они связаны с приладожской курганной культурой [Муллонен 2002: 168]. Адаптированные рус. суффиксом *-ичи* / *-ицы* из данной группы топонимы уже были предметом рассмотрения.

Кроме того, именно для вепсской, а не собственно-карельской топонимии типичен суффикс -*ё*. Как показывают исследования И. И. Муллонен, он функционирует в простых по структуре топонимах, выступая в качестве заместителя д-терминанта [Муллонен 1994: 18].

В Юго-Восточном Обонежье к указанным топонимам относятся следующие.

Думача Большая и *Думача Малая*, оз. (АнР: Устехино). Здесь вепсский суффикс -*ё* наслои́лся на карельскую топооснову *tumma* ‘темный’. Этимология подтверждается тем, что оз. Малая Думача соединено протокой с оз. Чёрное, что предполагает в прошлом факт калькирования и образования топонимической микросистемы. При этом, однако, не исключено, что в рассматриваемом случае топооснова могла быть лишь сблизена карелами с *tumma* на почве народной этимологии. Фактически она может восходить и к довепскому пласту топонимии, в связи с чем ср. мар. *tum*, *tumo*, мокш. *tuma*, эрз. *tumo* ‘дуб’ (SSAP 3: 265), ср. *Поддубье*, ур. (МакВ);

Ёбача, поляна (Курж) (ПДА) < вепс. **Heboё* / **Höboё*, где вепс. *hebo*, *höbo* ‘лошадь’, -*ё* — нередкий в топонимах вепс. суффикс; топооснова *hebo-* довольно часто встречается в вепсской топонимии. Согласно И. И. Муллонен, она маркирует места выпаса скота (*Hebo/nem'*) или места их гибели (ср. названия омутов *Hebom/bong* и *Hebo/houd*) [Муллонен 1994: 32–33].

Куйвач, ур. (Сам: Гавровщина) < вепс. **Kuivaё*, где *kuiv* (основа *kuiva-*) ‘сухой’. Рядом с урочищем находится покос *Сухоземля* / *Суха Земля*, что является фактом калькирования¹⁶.

Дополним, что расположение урочища и покоса на местности позволяет связать их с упоминаемым в писцовых кни-

¹⁶ Впервые пара *Куйвач* — *Сухоземля* как пример метонимической кальки рассмотрена М. Л. Гусельниковой, с приведением в качестве этимона ливв. *kuivacin* ‘сухой’ [Гусельникова 1999: 17].

гах XVI в. населенным пунктом: «д. за Городищем Ивашков след Микуева да сына его Назарка словет *Сухоземская*», 1563 г., она же — «пустошь за Городищем Ивашка Меркурьева», 1583 г. (ПКОП: 190; ПКЗ: 247).

При этом, отчество *Микуев* также восходит к прибалтийско-финскому источнику: вепс. *Mikoi*, карел. *Mik(k)oi* — варианты канонических христианских имен, начинающихся на *Мик-*: Михаил, Николай (народн. Никола, Микола) (приводимые данные писцовых книг позволяют предполагать, что имя *Mikoi* могло быть вариантом канонического имени Меркурий);

Пагача (Илек: Пустынька) < вепс. **Paḥaṣ*, где *paḥa* ‘злой, сердитый’, ‘плохой’, ‘плохой, слабый (о больном, старом человеке)’. Интересно, что оз. Пагача соединено протокой с оз. Гейкозеро, где *Гейк(о)-* < карел. *heikko* ‘слабый, немощный, хилый’. Тем самым лимнонимы Гейкозеро и Пагача образуют топонимическую микросистему, свидетельствующую о былом карело-вепском языковом контактировании. Аналоги в вепской топонимии: *Paḥaṣ*, 2 одноименных оз. (басс. р. Оять и р. Капша) (СГЮВП: 42, 81).

Ярбичи, ур., 1885 г. (Марк: Савино) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 85), *Ярбичи* / *Ярбицы*, покос, 1913 г. (Марк: Савино) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, лл. 29, 30); ур., 1885 г. (КЧП: Рахкова Гора) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 89); *Ярбичное*, оз. (Марк: Савино) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/28, л. 10) < вепс. *Järvič*, где *järvi* ‘озеро’.

11. Изменения формы топонима в результате закономерностей развития вепского языка

Утрата вепским языком прибалтийско-финской закономерности — перехода -s (в конце слова) в -ks- (в основе, в позиции перед гласным), известная в топонимии Присвирья [Муллонен 2002: 217–222] отразилась в изменении названий двух гидронимов Юго-Восточного Обонежья:

Гакукса, р. (Гак), ранее — *Акукса речка* / *Вакукса речка*, 1563 г. (ПКОП: 188, 201, 202) < вепс. **Накуksen/jogi*, где *jogi* ‘река’, позднее — *Гакуса*, конец XVIII в. (ГПВУ), 1810 г. [Зябловский 1810: 417], 1873 г. (Семенов-Тянь-Шанский 4: 244) < вепс. **Nakus*;

Илекса, р. и группа деревень < вепс. **I'uksen/jogi*, *Иляса*, д., 1745 г. (Илек) (ПМ 1745) < вепс. **I'us*.

Утрата перехода -s > -ks- воздействовала и на другой топоним:

Сусматка, ур. (Гак) (ТКК), *Сусматское*, поле (Гак) (ТКК), где *Сус* < **Sus*- < вепс. *suks* ‘лыжа’, ‘полоз (еловый)’ с загнутым концом для перевозки воды зимой’, -*матка* < карел. *matka*, вепс. *matk* ‘путь, дорога; расстояние’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 59], в раннем значении ‘путь посуху, волок’ [Муллонен 2002: 91], т.е. участок пути для перевозки груза на лыжах или при помощи особого полоза.

В Обонежье и на прилегающей территории есть еще несколько подобных топонимов, где топооснова указывает на средство движения по волоку: *Керезматка*, в районе оз. Кемское (Выт), где *Керез*- соотносится с саам. *k'érreś*, *kieres* ‘открытые лодкообразные саамские сани’ [Матвеев 2004: 167]; *Региматка*, залив Ковжского озера (Выт), *Региматка*, д. (Медв), где *Рег*- < вепс. *regi* ‘дровни, сани’ [Матвеев 2004: 172]. В отношении медвежьегорской Региматки наличие зимней дороги подтверждается историческими источниками: ср. «*Региматка* на зимнем наволоке на Уме речке», 1628 г. — «д. у зимника», 1496 г. (Шунгский пог.) (здесь данные писцовой книги приводятся по: [Витов 1962: 253]).

Сусматка в Гакуксе и уже упоминаемый Регобой (< **Regi/abai*) в Андоме находятся чуть западнее этих сёл и таким образом лежат на пути от них к Онежскому озеру. Возможно, что и название еще одного водотока — *Чун(д)ручей*, руч. и д. (Низ: Чундручей), ранее — **Чунручей*, 1563 г. (ПКОП: 206) соотносится с саам. *t's'ueņņe*

или карел. *tsuna* ‘лодкообразные саамские сани’ (UEW: 485). Этот водоток также находится западнее деревень по р. Вытегра и его не миновать, двигаясь вдоль Вытегры к Онежскому озеру.

12. Особенности русской адаптации вепских топонимов

К указанным особенностям можно отнести:

1) передача -l-овых топонимов с помощью русской модели -*ичи* / -*ицы* [Муллонен 2002: 169]. Нами уже рассмотрены выше топонимы из этой группы — *Гонгиницы* / *Сосновицы*, *Степовичи* / *Степковичи*, *Юбеничи*.

2) отражение прибалтийско-финского *h* (или *k*) в словах с основой на -*e* как русское *г* [Муллонен 2008: 214]. Среди рассмотренных к ним относится топоним *Розмега*. Кроме того, к ним можно отнести следующие топонимы:

Колтога, покос (Слоб), *Колтега*, покос, 1885 г., он же — *Кол(ъ)тега*, 1913 г. (Марк: Савино) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 85; НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/28, л. 10; НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, л. 29) < вепс. **kolteg* ‘косогор, неровное место’, при фин. *kolle* (ген. *kolteen*) ‘неровное место (изгиб, прогиб, впадина, складка)’, *koltto* ‘складка, полость, дупло’, эст. *kolle* (ген. *kolde*) ‘крутой берег реки’, лив. *kūolta* ‘берег’ (SSAP 1: 391). В отношении слободского покоса семантика подтверждается географической характеристикой объекта — он расположен на косогоре. Кошение травы на крутых склонах представляет собой определенные трудности, что, несомненно, отличает такие угодья от остальных и находит отражение на топонимическом уровне;

3) адаптация начального прибалтийско-финского *h* как рус. *г*, см.: [Захарова, Муллонен 2012: 151].

Среди рассмотренных к ним относятся: *Гакукса*, *Гербозеро*, *Гирвушка*, *Галманское* / *Гарманское*, *Гомнус*, *Гонжсема*, *Гумбаручей*.

Кроме того, в данную группу можно включить следующие географические названия:

Габозеро, 4 одноименных оз. (Айн: Павликово; АнР: Щучье Озеро; Осин: Габозеро; ТагК: Тагажмозеро), *Габостров*, покос, 1913 г. (Таг: Сперово) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/485, л. 127), *Габручей*, 2 одноименных руч. (АнР: Щучье Озеро; Слоб); *Габручья*, 2 одноименных руч. (Цим: Гиковская), один известен как *Вашенькиных Габручей*; *Габсельга*, ур., 1885 г. (ТагК: Кудомозеро) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/17, л. 10), *Габсельга Ближняя* и *Дальняя*, поляны (Гак) (ТКК), *Габсельга*, пожни (Гак) (ТКК; ПДА), где *Габ* < вепс. *hab* ‘осина’;

Гавда, мыс (Туд: Пустошь), *Гавда*, руч. (АнР: Мастерово), *Гавдозеро*, оз. (ТагК: Тагажмозеро), *Гавдручей* / *Галдоручей*, руч. (ТагК: Тагажмозеро), где *Гавд* < вепс. *haud* ‘яма’;

Гагозерки (АнГ: Ольково) < вепс. *hago* ‘бревно, дерево, которое лежит под водой’;

Гангозеро, оз., конец XVIII в. (Сам: Чёково) (ГПВУ), современное название — *Чёковское*, где *Ганг* здесь вепс. *hang* ‘вилы’ (с учетом формы озера);

Гомручей, ур., 1885 г. (Марк: Марково) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 7), *Гомсельга*, ур., 1885 г. (Таг: Зеленина) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 79), ур., 1885 г. (КЧП: Рахкова Гора) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 89), *Гомсельга*, ур. (АнС: Андомский Погост), *Гомсельга*, ур. (Гак), *Под Гомсельгой*, ур., 1885 г. (Таг: Горшково) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/14, л. 73), *Гомсельга*, ур. (Зам), *Гонгозеро*, 2 одноименных оз. (Айн: Котецкое; Айн: Павликово), *Под Гонгорой*, ур., 1885 г. (Тал: Пахомово) (НАРК, ф. 24, оп. 5, д. 2/23, л. 18), *Гондручей*, руч. и покос, 1913 г. (КЧП: Самсонов Креж и КЧП: На реке Кудоме) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/485, л. 1; д. 31/483, л. 5), *Гонручей*, покос, 1913 г. (КЧП: Нижняя Кудоме) (НАРК, ф. 27, оп. 2, д. 31/483, л. 1), *Гондручей*, руч. (Гак), где *Гом* / *Гонг* / *Гонд* < вепс. *hong* ‘сосна (обычно сухая, высокая), высохшая на корню сосна’ или *Гом* < вепс. *houm(eh)* ‘подсека, пожар’;

Горморучей, д. (КЧП), где *Горм-* < вепс. *horm-* ‘кипрей, иван-чай’.

13. Выводы

Обобщая изложенные выше сведения и наблюдения, мы можем заключить, что топонимы вепского типа выявлены в 28 из 34 (82,4%) выделенных групп поселений Юго-Восточного Обонежья. Это Андома (17), Андоморецкие деревни (12), Слобода (10), Гакукса и Муромский монастырь (9), Плоские Нивы (9), Самино (8), Тудозеро (6), Айнозеро (5), Куржекса (5), Тагажма (5), Андомская гора (4), Замошье (4), Кудома, Чекша, Палозеро (4), Лядины (4), Марково (4), Тагажмозеро и Кудомозеро (4), Илекса (3), Ладвозеро и Курженское Озеро (3), Макачево и Верховье (3), Сойдозеро (3), Девятины (2), Клёново и Саража (2), Лобеги и Ранина Гора (2), Осиновец (2), единичные названия отмечены в поселениях Алмозеро, Талица, Цимино, Янишево.

Для указанных выше групп населенных пунктов былое наличие в них вепского населения и языка подтверждается отэтнонимными топонимами в Андоморецких деревнях, Лобегах и Раниной Горе; коллективными прозвищами — в Замошье и Сойдозере; антропонимами — в Андомской Горе, Лядинах, Слободе.

При этом вепская принадлежность топонимов подтверждается:

- наличием у большинства из них аналогов на современной и исторической вепской территории;
- топонимическими кальками, письменными источниками и данными археологических раскопок — в отношении двух *Линдручьев*;
- топонимической калькой, этнографическими данными и топонимической микросистемой (*Гонгинщина* — *Педяевщина*) в отношении *Гонгиниц*;

- топонимической калькой и географическими данными — в отношении *Кукасовской горы*;
- топонимическими кальками в отношении *Галманского, Кигалмы, Куйвача, Пагачи, Чуржеги, Ялеги, Янишозера*;
- биогеографическими данными — в отношении *Пальсельги*;
- географическими данными — в отношении *Лапотозера* и двух *Лопатозер*, оз. *Овдозеро*, р. *Саржа*, р. *Сарожжа*, р. *Сара*, ур. *Сары*, руч. *Суласарь*, а также топонимов, содержащих географические термины *кара* и *обой*.

Топонимы вепсского типа не выявлены в Анхимово, Белом Ручье, Мальяне, Рубеже, Чекша-речке, на нижней Вытегре.

Таким образом, носители вепсского языка проживали в бассейнах р. Андома (41 топоним, из них в западной части басс. — 27, в восточной части — 14), р. Самина (34 топонима, из них в западной части басс. — 28, в восточной части — 6), р. Вытегра (27), оз. Тудозеро (17 топонимов, из них в западной части басс. — 8, в восточной части басс. — 9), в восточной части басс. оз. Муромское (9), в басс. р. Сойда (4), в южной части бассейна р. Водла (3).

Относительно времени появления вепсских топонимов можно заключить, что топонимы с основой *Пих-* / *Свят-* на водоразделах между бассейнами р. Андома (басс. Балтийского моря) и р. Сойда (басс. Каспийского моря), оз. Тудозеро и р. Вытегра (оба — басс. Балтийского моря), в районе Замошья и Слободы возникли не позднее XI в. Топонимы на -I, судя по топонимическим и археологическим данным, в западных частях бассейнов оз. Тудозеро (Туд), р. Андома (МакВ), в басс. р. Вытегра (Тал) возникли в X–XIII вв. В XII–XIV вв. в западной части бассейна р. Андома (МакВ) и

Самина (Сам) появились укрепленные поселения — «городки» / вепс. *lidn*, что также нашло отражение в топонимии.

Следовательно, в районах более раннего освоения — на большей части басс. р. Вытегра и в западных частях бассейнов р. Андома (район поселений Андома, Замошье, Макачево и Верховье, Цимино), р. Самина (Куржекса, Самино, Слобода), оз. Тудозеро (Тудозеро) — часть вепских топонимов могла появиться уже в X–XV вв.

Появление вепских топонимов в восточных частях бассейнов рек Андома (Андоморецкие деревни, Ладвозеро), Самина (Лобеги, Курженское Озеро), озера Тудозеро (Илекса), в части бассейна р. Вытегра (Плоские Нивы) и в части бассейна р. Андома (Лядины), можно отнести ко второй половине XVII–XVIII вв., поскольку большей частью указанные населенные пункты возникли именно в это время. Такая хронологизация вполне допустима и потому, что в названных поселениях вепские названия большей частью представляют собой микротопонимы, известные лишь узкому кругу лиц.

Стоит отметить, что часть из рассматриваемых топонимов — *Авдозеро* > *Овдозеро* (Сой), *Гакукса* > *Гакуса* (Гак), *Илекса* > *Иляса* (Илек), *Сюръга* (АнС), *Хийнозеро* (Илек) отражают относительно поздние фонетические изменения, характерные для северновепского и средневепского диалектов вепского языка (ареалы указанных диалектов граничат с территорией Юго-Восточного Обонежья).

Судя по наличию коллективных прозвищ (кайваны, чухари), вепский язык сохранялся более длительное время в районе Замошья (Зам) (западная часть басс. р. Андома) и на Сойдозере (Сой) (басс. Кема). Причём в Сойдозере вепский язык использовался наряду с русским еще во второй половине XIX в., о чем свидетельствует переход топоосновы *Авд* > *Овд*. В Слободе (западная часть басс. р. Самина) вепский язык также сохранялся до второй половины XIX в., о чем свидетельствует прозвище *Корбуиха* (носителница прозвища родилась во второй половине XIX в.). Недавнее

бытование вепсского языка в Слободе подтверждается народной этимологией (на основе вепсского языка) топонима *Карезручей*, а также восприятием топонима *Сула/сарь* как сложного (водоток имеет параллельное название *Сула/ручей*).

Причинами, способствовавшими более длительному сохранению вепсского языка в данных группах поселений, явились их удаленность от основных водных и транспортных путей (Замошье и Слобода отдалены от крупных водоемов, Сойдозеро находится в истоках порожистой р. Сойда). Кроме того, в отношении Сойдозера необходимо отметить возможность притока вепсского населения из южной части бассейна р. Кема, а в отношении Замошья — хозяйственные занятия местного населения — артельную добычу полезных ископаемых (известняка и глины) в XVIII–XX вв. и гончарное производство, не способствовавшие вступлению в сельскую общину лиц из других территорий.

О том, что указанные занятия жителей Замошья имеют давние корни, есть несколько свидетельств:

- академик Н. Я. Озерецковский в 1785 г. указывал о «известной» андомской глине, добываемой при д. Замошье в ямах глубиной до 10 саженьей, которая используется на беление изб и печей, производства замощами прочных и хорошо раскупаемых в тех краях горшков, а также вывозится подрядчиками в другие местности на судах (галиотах) [Озерецковский 1989: 185];
- археолог С. И. Кочкуркина отмечая, что традиции изготовления глиняной посуды «надолго сохранились у древних вепсов», указывает, что добытые из древневепских курганов горшки в 1950 г. жители р. Ояти признавали за андомские [Кочкуркина 1989: 74].

О недавнем вепском прошлом Замошья свидетельствуют также данные архитектуры. Согласно мнению доктора архитектуры, профессора В. П. Орфинского, «каскадный

колпак», венчающий церковь Ивана Великого (1787 г.) в д. Замощье — проявление «вепского варианта» общей прибалтийско-финской эстетической тенденции — стремления к обострению силуэтности [Орфинский 2000]. По мнению В. П. Орфинского, в районе Замощья «вепские архитектурные традиции сохранялись по крайней мере до конца XIX в.», а каскадные колпаки на восточной периферии средневепского этнического ареала в XIX в. — «стихийная реакция самосохранения традиционной народной культуры на угрозу ее ассимиляции» [Орфинский 2006: 265].

Следовательно, вепский язык в Юго-Восточном Обонежье использовался по крайней мере в следующих хронологических рамках:

- басс. р. Андома: западная часть — с X–XIII вв. (МакВ) по XIX в. (Зам), восточная часть — в XVIII в. (АнР, ЛадвК);
- басс. р. Вытегра — с X–XIII вв. (Тал) по XVIII в. (ПлН);
- басс. р. Самина: западная часть — с XII–XIV вв. (Сам) по вт. пол. XIX в. (Слоб), восточная часть — в XVIII в. (ЛадвК, ЛобР, Осин);
- басс. оз. Муромское: западная часть — X–XIII вв. (по археологическим данным), восточная часть (Гакукса) — не датировано;
- басс. р. Сойда — до вт. пол. XIX в.;
- басс. оз. Тудозеро: западная часть — X–XIII вв. (Туд), восточная часть — в XVIII в. (Илек);
- басс. р. Янишевка — после конца XVIII в.

Выявленные нами топонимические факты указывают также на языковое контактирование и двуязычие населения отдельных зон исследуемого региона. Так, судя по топониму *Святное озеро*, расположенном в районе водоразделов

между бассейнами р. Андома и р. Водла (басс. Балтийского моря) и р. Сойда (басс. Каспийского моря), древнерусский язык проникал на указанную территорию с XI–XII вв., поскольку, по данным И. И. Муллонен, модель *Святозеро*, *Святое озеро* представлена на территории, испытывающей древнерусское воздействие с XI–XII вв. [Муллонен 2002: 154].

В данном случае озеро было известно древнерусскому населению благодаря проходившим здесь водно-волоковым путям. По мнению И. И. Муллонен, хотя древнерусское население могло проникать на территорию Обонежья и ранее, всё же активное русское (псковско-новгородское) освоение Карелии, приведшее к изменению этнической ситуации, начинается не раньше XIII в. [Муллонен 2006: 130]. Соотносится это и с историческими данными: согласно А. Ю. Жукову, первые русские крестьяне пришли в Обонежье в годы жестоких неурожаев конца 1220-х — начала 1230-х гг. в Новгородской и Псковских землях, усугубленных политическим конфликтом Новгорода со своим князем [Жуков 2008: 12].

Таким образом, обобщая лингвистические и исторические данные, можно заключить, что на территории Юго-Восточного Обонежья вепсский язык начал контактировать с древнерусским не позднее XII–XIII вв.

О вепско-русском двуязычии, существовавшем ранее XV в. в западных частях бассейнов оз. Тудозеро (Туд), р. Андома (МакВ), в бассейне р. Вытегра свидетельствуют топонимы *Гонгиницы*, *Степовичи*, *Юбеничи*, поскольку механизм передачи -I-овых топонимов с помощью русской модели *-ичи* / *-ицы*, по данным И. И. Муллонен, прекратил свое действие к XV в. [Муллонен 2002: 169].

С учетом зафиксированного письменными источниками калькирования *Гонгиницы* / *Сосновицы*, *Степовичи* / *Степановичи* вепско-русское двуязычие существовало на р. Вытегра еще в конце XVI в., а на оз. Тудозеро — в конце XVII в.

Следующие топонимические кальки также свидетельствуют о вепско-русском двуязычии:

- в западных частях бассейнов рек Андома (Андома, Замошье) и Самина (Самино, Слобода) (недатировано): *Куйвач — Сухоземля, Чуржсга — Каменный Угол*, *Sinipänitud — *Синеголовые*, *Jalo/jär'v — *Большое — Ялега*, *Kondi/oja — *Медвежий*, *Mägi — *Гора* и *Rand — *Берег*.
- в восточных частях бассейнов рек Андома (Лядины) и Самина (Курженское Озеро, Лобеги, Осиновец), датируемом второй половиной XVII–XVIII вв. (время возникновения указанных деревень): *Галманское — Кигалма — Лядины*, *Kukkaz — *Петунова гора*, *Nin'/sel'g — *Липовая Сельга*, *Nin'/sel'g — *Лубогора*.
- в бассейне р. Янишевка, датируемом позднее конца XVIII в.: *Jäniš/jär'v — *Заячье озеро / Янишозеро*.

Следовательно, на территории Юго-Восточного Обонежья контактирование вепского языка с (древне)русским началось не позднее с XII–XIII вв. и завершилось в XIX в.

При этом удельный вес вепского населения еще долго (по крайней мере, еще в середине XVI в. судя по прозвищу андомского священника и появлению починков с вепскими названиями в бассейне р. Вытегра) сохранял высокие значения.

Вепско-карельское языковое контактирование возможно проследить, сопоставив вновь полученные данные с результатами исследования о распространения в Юго-Восточном Обонежье топонимов карельского типа (подробнее см.: [Соболев 2015]).

Последние появились в басс. р. Вытегра, западной части бассейнов р. Андома и р. Самина не позднее конца XV в., а в восточной части бассейнов р. Андома и р. Самина — во

второй половине XVII–XVIII вв. Поэтому можно заключить, что вепсский и карельский языки одновременно использовались в следующих группах поселений: Айнозеро (5/2)¹⁷, Андома (17/6), Андоморецкие деревни (12/7), Андомская гора (4/1), Гаукса и Муромский монастырь (9/2), Девятины (2/1), Илекса (3/1), Куржекса (5/3), Лобеги и Ранина Гора (2/1), Ладвозеро и Курженское Озеро (3/1), Макачево и Верховье (3/4), Марково (4/1), Плоские Нивы (9/1), Самино (8/1), Тагажма (5/1), Талица (1/3), Тудозеро (6/1).

При этом только в Макачево и Верховье количество топонимов карельского типа превышает количество топонимов вепсского типа. Однако, и здесь ранний карельский топоним *Шаржуга*, руч. и д., 1563–1583 гг. (ПКОП: 194; ПКЗ: 254) (карел. **Šärgegi* < **Šärgi/jogi* ‘плотвяная река’, где *šärgi* ‘плотва’, *jogi* ‘река’) был позднее (вероятно, со второй половины XVI в.) адаптирован вепсским языком в форме *Сяржега*, руч. (МакВ: Подгородье) (вепс. **Sär’g’eg’* < **Sär’g’/jogi*, где *sär’g’* ‘плотва’).

На карельско-вепсское двуязычие во второй половине XVII–XVIII вв. указывает калька *Гейкозеро* — *Пагача* (Илек).

Топонимы вепсского типа имеются в группах поселений, где не выявлены топонимы карельского типа: в бассейне р. Вытегра — в Алмозере (1/0), Кудоме, Чекше, Палозере (4/0), Тагажмозере и Кудомозере (4/0), в бассейне р. Сойда — в Сойдозере (3/0), в бассейне р. Янишевка — в Янишево (1/0). Кроме того, в бассейнах рек Андома, Самина и озера Тудозеро топонимы вепсского типа имеются во всем ареале отсутствия топонимии карельского типа, образующем непрерывную узкую полосу от Осиновца до верховьев тудозерского притока Повреки. В разрезе групп поселений это Замошье (4/0), Кленово и Саража (2/0), Лядины (4/0), Осиновец (2/0), Слобода (10/0), Цимино (1/0).

¹⁷Первая цифра указывает на количество выявленных топонимов вепсского типа, вторая — карельского.

В свою очередь, топонимы вепского типа не выявлены в группах поселений, где имеются географические названия карельского типа: в бассейне р. Вытегра — в Анхимово (0/1), Белом Ручье (0/1), поселениях на нижней Вытегре (0/1), в бассейне р. Андома — в Мальяне (0/1), Чекша-речке (0/3).

Вместе с тем очевидно, что вепско-карельское контактирование было несколько шире, чем определяется по топонимическим данным. Так, вепская адаптация карельских топонимов во второй половине XVII–XVIII вв. происходила не только в Андоморецких деревнях, но и в Чекше-речке, где вепских топонимов не зафиксировано. Об этом свидетельствуют русские формы топонимов с основами *Галент* (Чекш) < карел. *hallanto* ‘место, подверженное заморозкам’, *Гангас* (АнР) < карел. *hangas* ‘развила, развилка’, где на месте ожидаемого начального *x*, восходящего к карел. *h*, отражен звонкий *g*, восходящий к вепс. *h* (о подобных особенностях русской адаптации карельского и вепского *h*, см.: [Захарова, Муллонен 2012: 151]).

В свою очередь, в говорах поселений, где отсутствуют карельские топонимы (например, Слободы), имеется лексика карельского происхождения:

- *каян* ‘самец лосося’ < карел. *kojama*, фин. *kojama* ‘большой самец лосося’ (карельская лексема из: (SSAP 1: 386), этимология, возводимая к финскому источнику: [Березовская 2006: 15]);
- *мучердать* ‘кропать, делать неумело мелкую работу (например, шить)’, ‘делать мелкую работу в сумерках, при недостаточном освещении’ < карел. *mučerdaa*, *mučerdua* ‘морщить; мять’, карел. твер. *mučurdua* ‘сильно мять, сминать что-либо’;
- *шибанка* ‘крыло’, ‘крыло птицы, которым сметают крошки, муку, сажу’, ‘лопатка (у человека)’ < карел. *šiibi* ‘крыло’.

В таких случаях неотражение карельского или вепсского языка в топонимии можно объяснить тем, что лексика заимствовалась в процессе общения жителей разных сёл и через вепско-карельские брачные связи, не оставлявшие следа в топонимии. Кроме того, в случае переселения карел на хорошо освоенные территории (в западную часть бассейнов рек Андома, Самина, Тудозеро) они могли использовать уже имеющиеся вепские или русские географические названия, не давая новых наименований.

Только в одном из групп поселений не выявлены топонимы как вепсского, так и карельского типа — в Рубеже (0/0). Что объяснимо тем, что местность заселялась в основном в XIX в.

Таким образом, данные языкознания в совокупности с данными археологии и историческими источниками свидетельствуют о том, что вепсский язык распространился в Юго-Восточное Обонежье из Юго-Восточного Приладожья с носителями приладожской курганной культуры в X–XIII вв. (первоначально в бассейн р. Вытегра, западные части бассейнов рек Андома, Самина, озер Тудозера, Муромское) и поддерживался позднее в результате миграций вепсского населения с Олонецкого перешейка (XVI в.), а также прилегающих территорий Юго-Западного Обонежья и Северного Белозерья, продолжавшихся вплоть до начала XX в. К XVIII в. вепсский язык использовался также в бассейне рек Сойда, Янишевка, в восточных частях бассейнов рек Андома, Самина, озера Тудозеро. На территории Юго-Восточного Обонежья вепсский язык контактировал с древнерусским (не позднее, чем с XII–XIII вв.) и с карельскими языками (XV–XVIII вв.). Процесс смены языка (с вепсского на русский) и этнического самосознания в различных населенных пунктах не был одновременным и растянулся на довольно длительный период времени, завершившись, вероятно, в XVIII–XIX вв. При этом удельный вес вепсского населения достаточно долго — еще в XVI в. сохранял высокие значения. Смена языка происхо-

дила быстрее на более оживленных участках транспортных путей. Более длительное время (еще в XIX в.) вепский язык сохранялся в Замошье, Слободе и Сойдозере.

Сокращения

1. В названиях языков и диалектов

вепс. — вепский	мар. — марийский
др.-рус. — древнерусский	мокш. — мокшанский
карел. — карельский язык (собственно-карельское наречие)	приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
карел. твер. — тверские говоры собственно-карельского наречия карельского языка	рус. — русский
лив. — ливский	рус. выт. — вытегорские говоры русского языка
ливв. — ливвиковское наречие карельского языка	рус. олон. — олонечские говоры русского языка
люд. — людиковское наречие карельского языка	саам. — саамский
	фин. — финский
	эрз. — эрзянский
	эст. — эстонский

2. В названиях групп и гнезд поселений юго-восточного Обонежья (по состоянию на конец XIX – начало XX в.)

Историческая территория Андомского погоста-округа:

Айн — Айнозеро	ЛобР — Лобеги и Ранина Гора
АнГ — Андома-гора (Андомогорские деревни)	Ляд — Лядины
АнР — Андома-река (Андомо-рецкие деревни)	МакВ — Макачево и Верховье
АнС — Андома (село)	Маль — Мальян
Гак — Гакукса и Муромский монастырь	Осин — Осиновец
Зам — Замошье	Сам — Самино
Илек — Илекса	Слоб — Слобода
КлС — Клёново и Сараж	Сой — Сойдозеро
Курж — Куржекса	Туд — Тудозеро
ЛадвК — Ладвозеро и Курженское Озеро	Цим — Цимино
	Чекш — Чекша-речка
	Яниш — Янишево

Историческая территория Вытегорского погоста-округа:

Анх — Анхимово	ПлН — Плоские Нивы
Алм — Алмозеро	Таг — Тагажма
Дев — Девятины	ТагК — Тагажмозеро и Кудомо-
КЧП — Кудома, Чекша, Пало- зеро	зеро
Марк — Марково	Тал — Талица

3. В названиях районов Республики Карелия

Конд — Кондопожский	Прион — Прионежский
Медв — Медвежьегорский	Пуд — Пудожский
Олон — Олонецкий	Суо — Суоярвский

4. В названиях районов Архангельской области

Карг — Каргопольский	Плес — Плесецкий
----------------------	------------------

5. В названиях районов Вологодской области

Баб — Бабаевский	Выт — Вытегорский
Ваш — Вашкинский	

6. В названиях районов Ленинградской области

Выб — Выборгский	Подп — Подпорожский
Лод — Лодейнопольский	Приоз — Приозерский

7. В названиях областей Финляндии

ЕКаг — Этеля-Карьяла	РКаг — Похьойс-Карьяла
----------------------	------------------------

8. В географических и административно-территориальных терминах и объектах

басс. — бассейн	губ. — губерния
бол. — болото	д. — деревня
вост. — восточный	лев. — левый

оз. — озеро	с/с — сельский совет
пог. — погост	у. — уезд
пр-к — приток	уг. — угодые
р. — река	ур. — урочище
руч. — ручей	южн. — южный
с. — село	

9. Прочие

быв. — бывший	народн. — народная форма лич-
ген. — генетив (родительный	ного имени
падеж)	ПДА — полевые данные автора
картограф. — картографиче-	совр. — современный
ская форма топонима	

Архивные и исторические документы

ГПВУ — Генеральный план Вытегорского уезда Олонецкого наместничества. РГАДА. Ф. 1356, оп. 1, д. 3262–3271.

Данная 1580 — Данная священника Никольского погоста Андомской волости Хрисанфа Семенова сына Русина Соловецкому монастырю на двор и «дворец» в Никольском погосте. — Не ранее 1580 г. сентября 1 // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг. / сост. И. З. Либерзон; [редкол.: А. И. Копанев (отв. ред.), Р. Б. Мюллер, Н. Е. Носов (отв. ред.)]. Л., 1990. Акт № 735. С. 148–149.

Закладная 1580 — Закладная («купчая») государевых крестьян Никольского погоста Андомской волости Степана и Самсона Дмитриевых детей священнику Хрисанфу Семенову сыну Русину на двор в Никольском погосте. — 1580 г. июня 30 // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV–XVI вв. Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг. / сост. И. З. Либерзон; [редкол.: А. И. Копанев (отв. ред.), Р. Б. Мюллер, Н. Е. Носов (отв. ред.)]. Л., 1990. Акт № 730. С. 144.

НАРК — Национальный архив Республики Карелия. Ф. 24. Олонецкое губернское по крестьянским делам присутствие (1861–1909). Оп. 5. Дела 2/14, 2/17, 2/18, 2/20, 2/23, 2/28, 3/31, 3/41. Ф. 27. Олонецкий губернский статистический комитет (1765–1925). Оп. 2. Дела 31/483, 31/485. Оп. 3. Дела 51/463, 74/664.

Народонаселение 1892 — Народонаселение Олонецкой губернии в 1892 г. // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3 / сост. [И.] Благовещенский. Петрозаводск, 1894. С. 423–426.

Ободная 1391 — «Ободная межевая» землям великого князя и монастырей Юрьева, Вяжицкого, Палеостровского и Муромского в погостах Шальском и Никольском Пудожском и в волостках тех же погостов. — 1391 г. августа 25 // Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под. ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. № 285. С. 286–288.

ПК 1628 — Писцовые книги 7136–7137 (1628–1629) гг. // Олонецкие губернские ведомости. 1850. № 44. 1851. № 1.

ПК 1678 — Переписная книга 1678 г. Цит. по: Большой Двор (центр вотчины) — Усадище (центр поместья) — погост (центр волости) (по материалам переписей Заонежских погостов конца XV — начала XVIII вв.) // Проект «Разработка геоинформационного комплекса по истории системы расселения на территории Карелии», рук. А. Ю. Жуков. РГНФ № 11-01-12033в. Электронный ресурс. URL: <http://www.krc.karelia.ru/project.php?id=502&plang=r>

ПКЗ — Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины А. В. Плещеева и подьячего С. Кузьмина 1582/1583 г. // История Карелии в XVI–XVII вв. в документах. Т. 3 / ред.: И. А. Черныкова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 35–341.

ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. / под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. 254 с. (Материалы по истории народов СССР. Вып. 1: Материалы по истории Карельской АССР).

ПМ 1745 — Положение мест между городом Архангельским, Санкт-Петербургом и Вологдою: карта. СПб., 1745.

ПОК 1500 — Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины Корельского городка с уездом 7008 года // Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 12. М., 1852. С. 1–188.

Рядная 1551 — Рядная князей Александра, Семена, Ивана и Давида Кемских, о разделе наследственной их отчины по третейскому приговору кирилловского игумена Афанасия // Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 272–273.

СНМ 1873 — Списки населенных мест по сведениям 1873 г. Олонецкая губерния / ред. Е. Огородников. СПб., 1879. 235 с.

СНМ 1892 — Список селений в Олонецкой губернии, с обозначением наличного числа домов и жителей [по сведениям 1892 г.] // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3 / сост. [И.] Благовещенский. Петрозаводск, 1894. С. 427–522.

СНМ 1905 — Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. / сост. И. И. Благовещенский. Петрозаводск, 1905. 326 с.

СНМ 1926 — Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года) / сост. Стат. управл. АКССР. Петрозаводск, 1928. 160 с.

Челобитная 1651 — Челобитная крестьянина Андомского погоста Игнашки Никифорова сына Вашкалова о взыскании денег по кабалам с крестьян того же погоста Третьяка Семенова и других, о чем он уже подавал челобитную старостам. — 09.01.1651 г. // Полнотекстовая электронная документальная коллекция «Олонецкая воеводская изба». Ф. 1, картон 2, д. 2017_2. URL: <http://illmik.petrso.ru/illmik/IZBA.html>

Литература

Амелина Т. П. Этнический состав населения южной Карелии в XV–XVII вв. // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит — средневековье): сб. ст. / отв. ред. С. И. Кочкуркина, М. Г. Косменко. Петрозаводск, 2006. С. 276–303.

Археология Карелии / С. И. Кочкуркина, М. Г. Косменко, В. Ф. Филатова и др.; отв. ред. М. Г. Косменко, О. И. Кочкуркина. Петрозаводск, 1996. 413 с.

Барсов Е. В. Преподобные Обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 гг. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 2–68.

Березовская Е. А. Ихтиологическая лексика в говорах Русского Севера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 20 с.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск, 1947. 52 с.

Валж С. Н. Начальная история древнерусского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины: сб. ст. / ред. акад. А. С. Орлов. М.; Л., 1937. С. 285–318.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов: (опыт реконструкции): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Петрозаводск, 2007. 44 с.

Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. 290 с.

Воробьева С. В. К вопросу о географическом распространении былин на Русском Севере (Ареалы брачных связей и микрогеография былинной традиции на территории Заонежья) // Кижский вестник. № 6 / отв. ред. И. В. Мельников. Петрозаводск, 2001. С. 84–95.

Гусельникова М. Л. Об определении калек в топонимии Русского Севера // Русская диалектная этимология: 3-е науч. совещание 21–23 октября 1999 г. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 1999. С. 14–17.

Гусельникова М. Л. Итоги работы топонимической экспедиции Уральского университета в Вытегорском районе Вологодской области // Финно-угорское наследие в русском языке: сб. науч. тр. Вып. 1 / отв. ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург, 2000. С. 171–173.

Жуков А. Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2008. С. 7–19.

Зайцева Н. Г. Вепский язык и проблемы его развития // Проблемы истории и культуры вепской народности / отв. ред. В. В. Пименов. Петрозаводск, 1989. С. 95–102.

Захарова Е. В. Субстратные географические термины в топонимии Восточного Обонежья // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 3. С. 185–190.

Захарова Е. В. Вепское прошлое Восточного Обонежья по данным топонимии // Вепские ареальные исследования: сб. ст. / науч. ред. Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников. Петрозаводск, 2013. С. 144–155.

Захарова Е. В. Интеграция субстратных прибалтийско-финских топонимов в русскую топонимическую систему Восточного Обонежья: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015. 234 с.

Захарова Е. В., Муллонен И. И. Карельский след XVII в. в топонимии Восточного Обонежья // XVII век в истории и культуре Русского Севера / науч. ред. Н. И. Решетников. Каргополь, 2012. С. 146–154.

Зябловский Е. Ф. Землеописание Российской империи: для всех состояний. Ч. 3. СПб., 1810. 558 с.

Иванищев А. М. Древности Вытегории // Вытегра: краевед. альм. Вып. 2 / гл. ред. Е. А. Скупинова (Старинные города Вологодской области / гл. ред. М. А. Безнин). Вологда, 2000. С. 11–42.

Йоалайд М. Этническая история вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепской народности / отв. ред. В. В. Пименов. Петрозаводск, 1989. С. 76–83.

Карелы Карельской АССР / ред. А. С. Жербин, Г. М. Керт, К. А. Морозов, Ю. А. Савватеев, И. П. Шаскольский. Петрозаводск, 1983. 288 с.

Кочуркина С. И. Древние вепсы по археологическим материалам // Проблемы истории и культуры вепской народности / отв. ред. В. В. Пименов. Петрозаводск, 1989. С. 64–76.

Кузьмин Д. В. Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения—2003» / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2003. С. 303–307.

Куликов В. С., Богачев М. А., Ильин В. А. Уникальная географическая точка России // Поморье в Баренц-Регионе: Экология, экономика, социальные проблемы, культура: Тез. III Междунар. конф. Архангельск, 1997. С. 235–236.

Литвинова Н. К., Прохоров Г. М. Житие Лазаря Муромского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вт. пол. XIV–XVI вв.). Ч. 1 / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1988. С. 288–290.

Логинов К. К. Этнографическое описание села Суйсарь // Суйсарь: история, быт, культура / отв. ред. Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский. Петрозаводск, 1997. С. 91–156.

Логинов К. К. «Вепский след» в традиционной культуре русских юго-восточного Прионежья // Вытегра: краевед. альм. Вып. 2 / гл. ред. Е. А. Скупинова (Старинные города Вологодской области / гл. ред. М. А. Безнин). Вологда, 2000. С. 135–141.

Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья и этнографического Заонежья // Очерки исторической географии = Historiallisen maantieteen tutkielmia. Северо-Запад России. Славяне

и финны / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001. С. 360–369.

Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006. 273 с.

Макаров Н. А. Население русского Севера в XI–XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья. М., 1990. 214 с.

Макарова А. А. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2012. 763 с.

Мамонтова Н. Н. Карельская и вепсская антропонимия на современном этапе // Ономастика. Типология. Стратиграфия: сб. ст. / отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1988. С. 221–228.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 158 с.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004. 369 с.

Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988. 162 с.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994. 154 с.

Муллонен И. И. Этнолингвистическая история Обонежья // Очерки исторической географии = Historiallisen maantieteen tutkielmia. Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001. С. 332–348.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 356 с.

Муллонен И. И. О формировании населения южной Карелии по топонимическим свидетельствам // Язык и народ: Социолнгвист. ситуация на Северо-Западе России / под ред. А. С. Герда и др. СПб., 2003а. С. 80–103.

Муллонен И. И. Старое Заонежье: вепсское или карельское? // Кижский вестник. № 8 / отв. ред. И. В. Мельников. Петрозаводск, 2003б. С. 211–217.

Муллонен И. И. Формирование этнолингвистической карты Карелии // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика. Т. 2. Петрозаводск, 2006. С. 130–132.

Муллонен И. И. Топонимический атлас Карелии: проблемы и перспективы // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: материалы науч. симпозиума / сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2007а. С. 7–19.

Муллерен И. И. Этнокультурный потенциал вепсской топонимии // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. XXIV / под ред. П. Синисало-Катайсто и Э. Хямялайнен. Хельсинки, 2007б. С. 39–56.

Муллерен И. И. К истокам вепсских фамилий прионежских вепсов // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества: сб. науч. тр. по итогам Междунар. конф., посвященной 40-летию Шелтозерского вепсского этнографического музея, Петрозаводск—Шелтозеро, 30–31 октября 2007 г. / редкол.: М. Л. Гольденберг и др. Петрозаводск, 2008а. С. 158–164.

Муллерен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008б. 241 с.

Муллерен И. И. Рец. на: Кюршунова Ирина Алексеевна. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. — 667 с. // Вопросы ономастики. 2010а. № 1 (8). С. 137–142.

Муллерен И. И. Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям: программа фундаментальных исследований Президиума РАН / отв. ред. А. П. Деревянко и др. М., 2010б. С. 424–427.

Муллерен И. И. География на службе топонимики: две прибалтийско-финские топоосновы с «боковой» семантикой // Язык и прошлое народа: сб. науч. ст. памяти чл.-корр. РАН, заслуженного деятеля науки РФ, проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2012а. С. 170–181.

Муллерен И. И. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды Карельского научного центра РАН. 2012б. № 4. Серия Гуманитарные исследования. Вып. 3. С. 13–24.

Муллерен И. И. Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии // Вепские ареальные исследования: сб. ст. / науч. ред. Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников. Петрозаводск, 2013а. С. 130–144.

Муллерен И. И. Новое исследование по гидронимии Белозерья. Отзыв на: Макарова А. А. Русская озерная гидронимия Белозерья: системно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург, 2012. — 763 с. // Вопросы ономастики. 2013б. № 1 (14). С. 179–184.

Муллонен И. И. Материалы по северновепсской топонимии // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 29–54.

Муллонен И. И., Захарова Е. В. Многослойная топонимия Кенозерья // Кенозерские чтения—2011. Человек и среда: гармония и противоречия: сб. материалов V Всероссийской научно-практической конференции: [18–23 августа 2011 г.]. Архангельск, 2012. С. 152–162.

Муллонен И. И., Кузьмин Д. В. Границы топонимных ареалов Карелии. Материалы атласа // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1 / ред. О. П. Илюха, И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2008. С. 217–256.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003. 540 с.

Мызников С. А. Карельско-вепсские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX века / сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова. М., 2010. С. 286–310.

Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Б. И. Кошечкина. Петрозаводск, 1989. 206 с.

Орфинский В. П. Архитектурный идеал русского православия и его локальные этнокультурные варианты в традиционном храмо-строительстве Карелии и сопредельных территорий // Православие в Карелии. Материалы респ. науч. конф. (24–25 окт. 2000 г.) / редкол.: В. М. Пивоев (отв. ред.) и др. Петрозаводск, 2000. С. 20–34.

Орфинский В. П. Культурная архитектура вепсов // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова) / отв. ред. и сост. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск, 2006. С. 250–269.

Орфинский В. П., Муллонен И. И., Винокурова И. Ю. Наука о вепсах на рубеже столетий // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова) / отв. ред. и сост. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск, 2006. С. 7–33.

Пашков А. М. «Открытие» и изучение вепсов в дореволюционной России // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 325–332.

Песонен П. Э. Раскопки городища у д. Самино // Археологические открытия 1970 г. М., 1971. С. 30.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. 264 с.

Поляков И. С. Этнографические наблюдения во время поездки на юго-восток Олонецкой губернии // Записки Императорского Русского Географического общества по отделу этнографии. СПб., 1873. Т. III. С. 325–511.

Поляков И. С. Три путешествия по Олонецкой губернии / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. М. Эпштейна. Петрозаводск, 1991. 213 с.

Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 48–66.

Пушкарев Н. Н. Рыболовство на Онежском озере: отчет Министру Земледелия и Государственных Имуществ: с картою, 4 графиками и 17 рисунками. СПб., 1900. 259 с.

Рут М. Э. Вепские географические термины в русской апеллятивной лексике и топонимии Вытегорского района Вологодской области // Ономастика Европейского Севера СССР: сб. ст. / науч. ред. Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова. Мурманск, 1982. С. 21–23.

Рышкин П. Е. Административно-территориальное устройство Ленинградской области. Л., 1933. 444 с.

Соболев А. И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста // Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика / сост. П. С. Журавлев и др.; отв. ред. Н. М. Теребихин. Архангельск, 2009. С. 300–358.

Соболев А. И. Змеиные мотивы и образы в русской этнолингвистической традиции Андомского погоста (проблемы вепского субстрата) // Вестник Поморского университета. 2010. № 3. Серия: Гуманитарные и социальные науки. С. 19–24.

Соболев А. И. Прибалтийско-финские кальки в топонимии юго-восточного Обонежья // Вепские ареальные исследования: сб. ст. / науч. ред. Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников. Петрозаводск, 2013. С. 155–165.

Соболев А. И. Карельское наследие в топонимии Юго-Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 47–68.

Субботина Л. А. Заимствования в географической терминологии Белозерья: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984. 224 с.

Унбенгаун Б. Русские фамилии: пер. с англ. / общ. ред. Б. А. Успенского. М., 1989. 443 с.

Шилов А. Л. Топонимические кальки и этимология субстратных топонимов // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 43–59.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: записки немца-опричника / пер. и вступ. ст. И. И. Полосина. [М.], 1925. 182 с.

Щуров И. Л., Широков В. А., Лукин А. А., Ивантер Д. Э. Другие лососевые // Биоресурсы Онежского озера = Bioresources of Lake Onego / А. А. Лукин, Д. Э. Ивантер, Ю. Н. Шарова и др.; отв. ред. В. И. Кухарев, А. А. Лукин. Петрозаводск, 2008. С. 115–121.

Basilier Hj. Vepsäläiset Isaijevan voolestissa // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. VIII. Helsinki, 1890. S. 43–84.

Joalaid M. Vepsäläisten asuma-alueet ja niiden hallinnollinen jako kautta aikojen // Suomen kielen päivä. 13. november 1997. Compiled and edited by L. Nissilä. Tallinn, 1998. S. 10–33.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äänehistoria. Helsinki, 1946. 922 s.

Список сокращений

- Акчим. сл. — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6-ти вып. / под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь, 1984–2011.
- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М.; Новосибирск, 2000.
- Аникин 2003 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.
- Аникин — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–9. М., 2007–2015.
- Анненков 1878 — Анненков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей ⟨...⟩ Новое издание. СПб., 1878.
- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово́й, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–16. М., 1980–2015.
- АРНГЦВ — Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.
- Афанасьева-Медведева — Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. Т. 1. СПб., 2007.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965.
- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–23. М.; СПб., 2004–2014.
- Богораз 1901 — Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия // Сб. ОРЯС, Т. 68, № 4. СПб., 1901 (Словарь: С. 19–163).

- Боровая 2012 — Боровая Е. И. Словарь лексики вышивания орловских говоров / ред. Т. В. Бахвалова. Орел, 2012.
- Босак, Босак 2005 — Босак А., Босак В. Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці і сумежжа (Верхняга Над'ясельдзя). Фанетыка і марфалогія. Мінск, 2005.
- Босак, Босак 2006 — Босак А., Босак В. Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці і сумежжа (Верхняга Над'ясельдзя). Лексіка. Мінск, 2006.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1969–1978.
- БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / редкол.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М., 2003.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- БЭС 1989 — Биологический энциклопедический словарь / гл. ред. М. С. Гиляров. 2-е изд., испр. М., 1989.
- БЭС 1998 — Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.; СПб., 1998.
- Бялькевіч 1970 — Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
- Василенко 1902 — Василенко В. К. Опыт толкового словаря народной технической терминологии по Полтавской губернии. Харьков, 1902.
- Вахрос, Щербаков — Вахрос И., Щербаков А. Большой финско-русский словарь / под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. 7-е изд., стер. М., 2007.
- Вереха 1898 — Вереха П. Н. Опыт лесоводственного терминологического словаря. СПб., 1898.
- Вопросник ДАРЯ 1940 — Вопросник для составления Диалектологического атласа русского языка / отв. ред. И. И. Мещанинов. М.; Л., 1940.
- Ганцовская 2007 — Ганцовская Н. С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. Кострома, 2007.

- Гладилина 2007 — Гладилина Г. Л. Словарь лексики лесного сплава XVIII — первой половины XX вв. Красноярск, 2007.
- Горбачевич 2003 — Горбачевич К. С. Словарь трудностей современного русского языка. СПб., 2003.
- Грінченко — Грінченко Б. Д. Словарь української мови: у 4-х т. Київ, 1907–1909.
- Громов 1992 — Громов А. В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учебн. пособие. Ярославль, 1992.
- Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1863–1866 (1-е изд. и другие фототипические издания).
- Даль, 3-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене: в 4-х т. СПб., 1903–1909.
- Даль, 6-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1978–1980.
- ДАРЯ 2 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Вып. 2. Морфология. Словообразование. Комментарии к картам. М., 1989.
- Деулино — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовета. М., 1969.
- Дилакторский — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.
- Дмитриева, Щербак — Дмитриева Л. И., Щербак А. С. Словарь гидронимов Тамбовской области. Тамбов, 2000.
- Доп. Опыт — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
- Дружинина — Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: в 4-х т. / сост. М. Ф. Дружинина; науч. ред. Н. Г. Самсонов. Якутск, 1997–2007.
- ДСБ — Дыялектны слоўнік Брэстчыны / М. М. Аляхновіч [і інш.]; пад. рэд. Г. М. Малажай, Ф. Д. Клімчук. Мінск, 1989.

- Дуров 1929 — Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929.
- Дьяченко 1900 — Полный церковнославянский словарь / сост. прот. Григорий Дьяченко. М., 1900. (и другие стереотипные издания).
- Ефремова 2000 — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. М., 2000.
- Зайка 2011 — Зайка А. Дьялектны слоўнік Косаўшчыны. Слонім, 2011.
- Зайцева, Муллонен — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.
- Зиброва, Барабина — Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н. Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009.
- Казаков 1997 — Казаков В. С. Именослов. Словарь славянских имен и прозвищ с толкованием их значения и происхождения. Калуга, 1997.
- Каспяровіч 1927 — Каспяровіч М. Віцебскі краёвы слоўнік: (Матар'ялы) / пад рэд. М. Я. Байкова. Б. І. Эпімаха Шыпілы. Віцебск, 1927. (2-е изд. Мінск, 2011).
- Квеселевич 2005 — Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2005.
- Клундук 2010 — Клундук С. С. Слова да слова — будзе мова: дьялектны слоўнік в. Фядоры. Брэст, 2010.
- Костромичёва 1998 — Словарь свадебной лексики Орловщины / авт.-сост. М. В. Костромичёва. Орёл, 1998.
- КПОС — Картотека Псковского областного словаря. Псковский государственный педагогический университет и Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.
- КПРС — Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М., 1985.
- КрКОС — Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома, 2006.

- КРочК — Коми-роч кывчукӧр = Коми-русский словарь / Е. А. Айбабина, Л. М. Безноскова, Р. И. Коснырева; под ред. Л. М. Безносковой. Сыктывкар, 2000.
- КРС 1961 — Коми-русский словарь / под ред. В. И. Лыткина. М., 1961.
- КСРГСПК — Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края. Кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.
- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Словарный отдел Института лингвистических исследований РАН.
- Кузнецов 1995 — Кузнецов А. В. Названия вологодских озер: словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. Вологда, 1995.
- Куликовский 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- КЭСЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. (2-е изд. Сыктывкар, 1999).
- КЭСРЯ — Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
- ЛАРНГ 2004 — Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск / отв. ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина. СПб., 2004.
- ЛАРНГ. Проект 1994 — Лексический атлас русских народных говоров. Проект / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.
- ЛГБПП — Лексіка гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся. Атлас. Слоўнік / укл. Г. Ф. Вештарт, Ф. Д. Климчук, В. А. Кощенко, И. И. Лапуцкая, И. И. Лучиц-Федорен. Мінск, 2008.
- Леванцэвіч 1993 — Леванцэвіч Л. В. Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Фанетыка: у 2 ч. Брэст, 1993.
- Леванцэвіч 1994 — Леванцэвіч Л. В. Атлас гаворак Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Марфалогія: вучэбны дапаможнік. Брэст, 1994.

- Леванцэвіч 2001 — Леванцэвіч Л. В. Атлас гавораў Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці. Лексіка. Брэст, 2001.
- Ляшкевіч 2004 — Ляшкевіч І. У. Альпенскі дыялектны слоўнік. Альпень; Берасце, 2004.
- МАС — Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1960. (2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984).
- Миртов 1929 — Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-н/Д., 1929. (2-е изд. Волгоград, 2006).
- Михайлова 2013 — Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М., 2013.
- Моисеев 2010 — Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010.
- Морковкин 1984 — Морковкин В. В. Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь. М., 1984.
- Мызников 2010 — Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.
- Никонов 1966 — Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
- Новиков-Даурский — Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / подгот. к печати Л. В. Кирпикова, В. В. Пирко, И. А. Стринадко; вступ. ст. и ред. Л. В. Кирпикова. Благовещенск, 2003.
- НОС — Новгородский областной словарь: в 13-ти вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–2000.
- НОС 2010 — Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; [авт.-сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова]. СПб., 2010.
- Носович 1870 — Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Ожегов — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992 (1995, 1997, 2004, 2008 и др.).
- ОЛА 1988 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир. М., 1988. 188 с.

- Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Вып. 1–9. Киров, 1996–2014.
- ОСГКО — Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А. Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
- Пашкевіч 2008 — Пашкевіч М. І. Рубельські лексика-фразеалагічні слоґнік. Брэст, 2008.
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Подольская 1978 — Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
- Подольская 1988 — Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.
- Полякова 2007 — Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, С. М. Глускина, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова и др. Вып. 1–26. Л., СПб., 1967–2015.
- Преображенский — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 3-х т. М.; Л., 1910–1949.
- Программа ЛАРНГ — Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.
- Прокошева 2002 — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
- Протодьяконов 1901 — Словарь гольдско-русского языка, составленный священником о. Прокопием Протодьяконовым. Владивосток, 1901.
- Пунжина 1994 — Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

- РГК — Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной, Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. Деп. В ИНИОН Рос. акад. наук 12.11.1992. № 47266.
- РКС 2003 — Безносилова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Русско-коми словарь. Сыктывкар, 2003.
- Розенталь, Теленкова — Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. 2-е изд., испр. М., 2001.
- РСВ — Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч / рэд. Л. І. Злобін, А. С. Дзядова. Віцебск, 2012–2014.
- РСС — Русский семантический словарь / сост. Ю. Н. Караулов, В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, Н. В. Михалёв; отв. ред. С. Г. Бархударов. М., 1982.
- Сабиров 2008 — Сабиров Р. А. Татарско-русский полный учебный словарь. М.; Казань, 2008.
- Самуйлік 2009 — Самуйлік Я. Р. Гаворкі Выганаўскага Палесся. Брэст, 2009.
- СВГ — Словарь вологодских говоров: в 12-ти вып. / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.
- СППЗБ — Слоўнік беларускіх гавораў паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / рэд. Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1979–1986.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.
- СГЦБ — Слоўнік гавораў цэнтральных раёнаў Беларусі. Т. 1 / пад рэд. Е. С. Мяцельскай. Мінск, 1990.
- СГЮВП — Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
- СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011.
- Семенкова 2007 — Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск, 2007.
- Семенов-Тянь-Шанский — Семенов-Тянь-Шанский П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи: в

- 5-ти т. / сост. П. Семенов, при содействии В. Зверинского, Н. Филиппова и Р. Маака. СПб., 1863–1885.
- СКГВ — Андриющенко В. И., Иванова Р. Я., Иванова Т. Г., Пелих В. М. Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион. Армавир, 2009.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. Вып. 1–30. М., 1975–2015.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова, А. А. Алексеев. Вып. 1–21. Л./СПб., 1984–2015.
- СОСД — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева и Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.
- СПГ — Словарь пермских говоров: в 2-х т. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2004.
- СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2006.
- СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.
- СРГСПК — Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Вып. 1. Пермь, 2011.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7-ти т. / гл. ред. П. А. Вовчок, А. К. Матвеев. Свердловск, 1964–1988.
- СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3-х вып. / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2010–2012.
- Срезневский — Срезневский Н. Н. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. СПб., 1893–1912. (переизд. М., 1958).
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–48. М.; Л./СПб., 1965–2015.

- ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11-ти вып. / под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева; под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.
- ССКЯ — Безноскова Л. М., Айбабина Е. А., Забоева Н. К. Словарь синонимов коми языка. Сыктывкар, 2002.
- Ставшина — Фразеологический словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб., 2008.
- Станкевіч 1989 — Станкевіч Я. Белорусско-русский (Великолитовско-русский) словарь / Беларуска-расійскі (Вялікалітоўска-расійскі) слоўнік / Byelorussian-russian (Great-litvan-Russian) Dictionary. New York, 1989.
- СТЗ — Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Свод топонимов Заонежья / под ред. А. С. Герда. Петрозаводск, 2013.
- Сыщиков 2006 — Сыщиков А. Д. Лексика крестьянского деревянного строительства: материалы к терминологическому словарю: в 2-х ч. СПб., 2006.
- СЮКК — Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / отв. ред. В. Н. Рогова. Красноярск, 1988.
- ТЖС — Технический железнодорожный словарь / сост. Н. Н. Васильев, О. Н. Исаакян, Н. О. Рогинский, Я. Б. Смолянский, В. А. Сокович, Т. С. Хачатуров. М., 1941.
- ТКК — Топонимическая картотека Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск).
- Тришин — Тришин В. Н. Большой русский словарь-справочник синонимов системы ASIS©. URL: <http://www.trishin.ru/left/dictionary/>
- Трухан, Клімчук — Трухан Т. М., Клімчук Ф. Д. Лексика апрацоўкі льну: Тэматычны слоўнік, лексічны атлас. Мінск, 2006.
- ТС — Тураўскі слоўнік: у 5 т. / склад.: А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін. Мінск, 1982–1987.
- ТСГТО — Тематический словарь говоров Тверской области: в 5-ти вып. / гл. ред. Т. В. Кириллова. Тверь, 2003–2006.

- Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973. (и другие стереотипные издания).
- Федотов — Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
- Федотова, Бойко — Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии = *Karjalan Varšinaismurtehien šanakirja*. Петрозаводск, 2009.
- Чарнякевіч 2009 — Чарнякевіч Ю. В. Атлас гаворак паўночнаўсходняй Брэстчыны. Мінск, 2009.
- Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 1993. (и другие стереотипные издания).
- Шанский, Боброва — Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
- Шведова 1998 — Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М., 1998.
- Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Шипова 1976 — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
- ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 85-ти т. СПб., 1890–1906.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Т. 1–13. Мінск, 1978–2010.
- ЭСРЯШ — Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. Вып. 1–8. М., 1963–1982.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–39. М., 1974–2014.
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и междюркские основы на букву «Л», «М», «Н», «П», «С». М., 2003.

- ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10-ти т./ под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. O.1–6. Päätoim. P. Virtaranta, R. Koponen. Helsinki, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI).
- Kujola 1944 — Kujola J. Lyydilaismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944. 543 s. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. IX).
- Machek — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
- MW — H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Zusammengest. von K. Heikkilä. Bearb. und hrsg. von M. Kahla. B.I–VI. Helsinki, 1990–1999. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XXIII).
- SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O.1–7. Helsinki, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).
- SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O.1–3. Päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.
- UEW — Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–III. Budapest, 1986–1991.
- USN — Uusi suomalainen nimikirja. Etunimet: K. Vilkkunen avustajinaan M. Huitu ja P. Mikkonen. Sukunimet: P. Mikkonen ja S. Paakkala. Helsinki, 1988.

Научное издание

Лексический атлас русских народных говоров

(Материалы и исследования)

2015

Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Подписано в печать 29.12.2015. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 37,5

Тираж 500 экз. Заказ № 369

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23

